

II.

Учебная часть.

На первый курсъ, кромѣ ректора и инспектора, назначены наставники по слѣдующимъ предметамъ: 2 по классу богословскому, 1 по церковной исторіи, 1 по философіи, 2 по словесности, 1 по всеобщей исторіи, 1 по математикѣ и по одному для языковъ еврейскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго. Очевидно, что число наставниковъ не соответствовало количеству предметовъ младшаго, философскаго курса, и пять наставниковъ, назначенныхъ для имѣвшаго открыться черезъ два года старшаго, богословскаго курса, на первый разъ не имѣли чтеній въ классѣ. Ректоръ Симеонъ выбылъ незадолго до открытія богословскаго курса и лекцій не читалъ; одинъ изъ бакалавровъ богословія (Гермогенъ) вмѣсто ученой кафедры занялъ должность бібліотекаря, другой (Никаноръ) опредѣленъ вскорѣ намѣстникомъ лавры и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ должность помощника инспектора Академіи. Одинъ только изъ наставниковъ богословія, инспекторъ Филаретъ читалъ для перваго курса лекціи экзегетическаго содержанія. Такимъ образомъ на первый разъ преподавались слѣдующіе предметы: истолкованіе св. Писанія, философія, словесность, всеобщая исторія, математика и четыре языка. Курсъ чтеній богословскихъ открылъ въ сентябрѣ 1816 года второй ректоръ Академіи Филаретъ Амфитеатровъ.

Полное свидѣтельство о томъ, какъ вели наставники Академіи дѣло преподаванія на первыхъ порахъ, даютъ намъ лекціи ихъ, уцѣлѣвшія отъ первыхъ курсовъ. Мы имѣемъ подъ руками большую часть академическихъ лекцій того времени. Первые шаги молодыхъ наставниковъ были еще не со всѣмъ тверды, были робки; нѣкоторые изъ нихъ заимствовались въ своихъ чтеніяхъ матеріаломъ изъ лекцій перваго курса Петербургской Академіи, которыя они сами тамъ слушали; но потомъ съ ежегодною выпискою новыхъ книгъ изъ-за границы, ученія работы ихъ становятся серіознѣе, шире, самостоятельнѣе; они прокладываютъ дорогу и будущимъ своимъ преемникамъ къ самобытнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, полагая въ основу ихъ начала чистой истины въ духѣ строгаго православія.

Богословіе догматическое.

Еще въ первый мѣсяцъ по открытіи Академіи, изъ коммисіи духовныхъ училищъ препровожденъ былъ въ Академію конспектъ богословскихъ наукъ, составленный бывшимъ ректоромъ Троицкой Семинаріи, потомъ ректоромъ Петербургской Академіи, Евграфомъ Музалевскимъ. Конспектъ рекомендовалъ слѣдовать руководству, составленному Иринеємъ Фальковскимъ, и пользоваться, какъ пособіемъ, богословскими системами Буддея, Голлазія, Турретина, Сарданыи и другихъ авторовъ, но подъ условіемъ строгой разборчивости и утвержденія чтеній на свидѣтельствахъ св. Отцевъ и учителей восточной Церкви.

Планъ для своихъ лекцій ректоръ Филаретъ заимствовалъ изъ богословія Иринея Фальковскаго, которое представляетъ сокращеніе богословія Теофана Прокоповича. Впрочемъ не вездѣ онъ строго держался его плана: такъ напр. трактатъ о предопредѣленіи, который у Фальковскаго занимаетъ мѣсто между трактатами о всеобщей благо-

дати и о воплощеніи Сына Божія, Филаретъ поставилъ послѣ ученія о призываніи, возрожденіи, оправданіи и проч. Нѣкоторые трактаты, какъ напр. о соборахъ, о врагахъ церкви у Филарета опущены. По изложенію лекціи Филарета отличаются необыкновенною сжатостію, простотою и ясностію, такъ что во многихъ мѣстахъ они походятъ на пространнѣйшій конспектъ. Замѣчательно въ системѣ Филарета его стремленіе отрѣшиться отъ всякаго заимствованія изъ системъ западныхъ богослововъ, и это объясняется главнѣйшею чертою въ его личномъ характерѣ, именно строгимъ духомъ православія, которымъ глубоко онъ былъ проникнутъ. Въ этомъ случаѣ имъ всегда владѣло чувство безотчетнаго опасенія, какъ бы черпая изъ источниковъ западной учености, нечувствительно не привнести въ свое ученіе чего-нибудь мутнаго, нечистаго. При такихъ опасеніяхъ, крѣпкой охраной служило ему слово Божіе, которымъ подкрѣплялъ онъ всякую свою мысль, даже сопряженную съ главною истиною. Въ спискахъ его лекцій, которые мы имѣемъ, половина страницы занята латинскимъ текстомъ трактатовъ, другая половина — текстами изъ Славянской Библии — и такъ по большей части. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было обращаться къ еврейскому, или греческому тексту Библии, напр. въ трактатѣ о именахъ Божіихъ, Филаретъ вводилъ филологическія объясненія и толковалъ значеніе словъ по смыслу подлиннаго текста. Вся система Филарета содержитъ чисто положительное ученіе: полемическая часть съ возраженіями, противоположеніями и т. п. у него не имѣетъ мѣста, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ея избѣжать было нельзя, напр. въ ученіи о исхожденіи Св. Духа, но и тутъ взято только главное; все дробное и мелкое устранено. Чтобы избѣжать подробностей, Филаретъ, высказавъ главныя мысли, отсылалъ нерѣдко студентовъ къ учебной книгѣ: такъ напр. сказавъ

о главныхъ именахъ Божіихъ, встрѣчающихся въ книгахъ ветхозавѣтныхъ, Филаретъ говоритъ: *de ceteris videatur liber classicus. Lib. 1, cap. 2.* Но за то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его лекцій встрѣчаемъ попытку въ большей подробности изслѣдовать тотъ или другой вопросъ: это у него называется *additamentum*: таковы его прибавленія ко вступленію въ богословіе (*ad prolegomena*), таково прибавленіе къ трактату о исхожденіи Св. Духа, представленное въ формѣ отдѣльнаго трактата. Въ этихъ трактатахъ предметъ разсматривается нѣсколько шире обыкновеннаго, но и тутъ эта широкость гораздо сжатѣе того образа изложенія, который встрѣчаемъ въ сокращенномъ богословіи Фальковского. Наконецъ стоить обратить вниманіе на ту особенность въ лекціяхъ Филарета, что изъ старыхъ схоластическихъ учебниковъ онъ удержалъ въ своей системѣ такъ-называемый *usus*, или нравственный выводъ изъ разсмотрѣнія того или другаго вопроса, и еще заключительныя славословія по окончаніи отдѣленій системы: это происходило у него не отъ увлеченія приемами схоластическихъ богослововъ, которыхъ вообще онъ былъ чуждъ въ своихъ лекціяхъ, но отъ личной его благочестиво-нравственной настроенности. По свидѣтельству остающихся въ живыхъ учениковъ Филарета, богословскія его записки имѣли собственно назначеніе облегчить студентамъ трудъ приготовленія къ испытанію; а большую часть времени назначеннаго для классическихъ занятій Филаретъ посвящалъ толкованію священныхъ книгъ *).

Второй курсъ студентовъ Академіи слушалъ богослов-

*) Мы имѣли подъ руками два экземпляра догматическаго богословія Филарета: одинъ принадлежалъ Московскому протоіерею Никифору Ив. Потапову, другой — Вятскому кафедральному протоіерею Азарію Тимое. Шиллегодскому; отъ сего послѣдняго были получены и толковательные опыты Филарета.

скія лекціи у Филарета съ сентября 1818 г. до мая 1819 года. На мѣсто Филарета, возведеннаго въ санъ епископа Калужскаго, поступилъ воспитанникъ бывшей Троицкой Семинаріи, потомъ Петербургской Академіи, Кириллъ Богословскій-Платоновъ.

Прошелъ уже почти годъ втораго богословскаго курса, и Кириллъ предоставилъ послѣ Филарета окончить для этого курса преподаваніе богословія инспектору Платону Березину, а самъ открылъ чтенія по классу толкованія Свящ. Писанія, которое объяснялъ до іюня 1820 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначалъ студентамъ писать проповѣди и читалъ ихъ. Платонъ преподавалъ по лекціямъ Филарета. На основаніи предписанія комиссіи духовныхъ училищъ (отъ 4 сент. 1819 г.), въ которомъ сказано, что „богословскія лекціи могутъ быть въ Академіи читаны, какъ на латинскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ“. Кириллъ для 3-го курса (съ сент. 1820 г.) открылъ лекціи догматическаго богословія на русскомъ языкѣ*). Эта новость принята въ Академіи съ сочувствіемъ. Между тѣмъ общее введеніе въ богословіе читалъ іеромонахъ Серафимъ Азбукинъ на латинскомъ языкѣ.

При составленіи лекцій Кириллъ слѣдовалъ преимущественно запискамъ ректора Петербургской Академіи Григорія Постникова**), впрочемъ не вездѣ строго держался его и въ планѣ и въ изложеніи. Замѣчательная особенность, характеризующая чтенія Кирилла, это теплота чувства, которая проглядываетъ на многихъ страницахъ его богословія, и еще аскетическое направленіе, которое такъ

*) Списокъ лекцій Кирилла въ бібліотекѣ Моск. дух. Академіи, № 231.

**) Къ такому мнѣнію приводитъ насъ сличеніе отдѣла рукописныхъ лекцій Кирилла о Богѣ единомъ и о Св. Троицѣ со статьями о сихъ предметахъ, напечатанными въ „Христіанскомъ Читаніи“ (1822, ч. VI, стр. 64, 166, 176, 183, 213), и несомнѣнно принадлежащими Григорію. Духовн. Бесѣд. 1860 г. за іюль. Церков. лѣтоп., стр. 412.

было ему свойственно. Мысль о крестѣ, о внутреннихъ искушеніяхъ духа,—всегда была присуща его душѣ, и она проторгается и въ его лекціяхъ. Въ самомъ началѣ чтеній, когда онъ говоритъ о средствахъ къ изученію созерцательнаго богословія, онъ причисляетъ къ этимъ средствамъ искушеніе или крестъ внутренней и внѣшней, и говоритъ: „наконецъ спасительнымъ средствомъ къ преспѣянію въ богословіи созерцательномъ можетъ служить посылаемое отъ Господа искушеніе, или крестъ внутренней и внѣшней, посредствомъ котораго испрашиваемое молитвою, возвращаемое отъ поученія въ словѣ Божіемъ, сопровождаемое твореніемъ воли Господней познаніе истинъ небесныхъ очищается, утверждается, усовершенствуется и обращается въ духовный опытъ; ибо кто съ сыновнею къ Господу любовію пріемлетъ посылаемыя искушенія, того молитва чиста и пламенна, для того слово Божіе нища и утѣшеніе, тотъ въ исполненіи божественныхъ заповѣдей, въ пути Господнемъ ходитъ безпорочно, того сердце содѣлывается способнымъ къ пріятію благодати Господней, ибо *близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ* (Псал. 33, 19). Въ семъ-то отношеніи ап. Іаковъ искушеніе называетъ дѣломъ совершеннымъ, или средствомъ къ духовному совершенству (Іак. 1, 2—4). Сіе же содѣйствіе искушеній къ преспѣянію въ мудрости во спасеніе усматривается изъ свойствъ ученія евангельскаго, какъ источника богословія созерцательнаго. Свойство евангельскаго ученія состоитъ въ утѣшеніи сердець, поражаемыхъ скорбію и ужасомъ правосудія небеснаго при возрѣніи въ глубину грѣховнаго своего состоянія. Но какъ можетъ тотъ постигнуть и другимъ изъяснить силу и утѣшеніе евангельскаго ученія, кто не испыталъ въ себѣ крестной скорби, чье сердце не проникнуто печалію по Богѣ, ведущею ко спасенію?“

Богословіе Кириллъ дѣлитъ на отрѣшенное и относи-

тельное: послѣднее подраздѣляетъ на три части: учение о мѣрѣ (*cosmologia Theologica*), о духахъ (*pneumatologia Theol.*) и о человѣкѣ (*anthropologia Theol.*) Но при всей благовидности этого плана, въ выполненіи его должны были встрѣтиться затрудненія, которыхъ избѣжать было нельзя: чтобы соблюсти планъ во всей строгости, нужно было вырывать части изъ отдѣльных трактатовъ, раздроблять ихъ и помѣщать подъ тою или другою рубрикою: такъ часть трактата *de novissimis*, именно о кончинѣ міра, нужно было отнести къ космологіи, и такимъ образомъ это учение заняло мѣсто непосредственно за ученіемъ о Провидѣніи. Нѣкоторые трактаты не нашли себѣ подлежащаго мѣста ни въ одномъ изъ главныхъ отдѣловъ догматики и имъ нужно было дать мѣсто на концѣ системы: такъ послѣ отдѣленія изъ антропологии о послѣдней судьбѣ человѣка, гдѣ говорится о вѣчныхъ душахъ по смерти, о воскресеніи мертвыхъ, послѣднемъ пришествіи Христовомъ и судѣ, поставленъ трактатъ о Церкви не торжествующей, а воинствующей, затѣмъ о преданіяхъ Церкви, чѣмъ и кончается система. По отзывамъ слушателей Кирилла лекціи его недостаточно познакомили ихъ съ богословіемъ, которое они лучше и полнѣе узнали изъ бесѣдъ Филарета во время производства имъ ревизорскихъ экзаменовъ. Разсказываютъ, что студентъ Н.И.Надеждинъ, пародировавшій лекціи Кирилла, подвергся обвиненію едва не въ невѣріи и едва-едва не былъ исключенъ изъ Академіи. Филаретъ (Черниговскій) о произведеніяхъ Кирилла отзывался такъ, что они „не отличаются ни правильнымъ изложеніемъ мыслей, ни изяществомъ слога“ и толкованіе его на посланіе къ Евреямъ называетъ „не совсѣмъ удовлетворительнымъ“.

Преемникъ Кирилла, ректоръ Поликарпъ опредѣленъ ректоромъ Академіи въ ноябрѣ 1824 года, а отъ 12 іюня слѣдующаго 1825 года изъ комиссіи духовныхъ училищъ

послѣдовало въ Академію предписаніе слѣдующаго содержания: „доходить до свѣдѣнія комиссіи духовныхъ училищъ, что нѣкоторые изъ учащихся въ Академіяхъ и Семинаріяхъ, подъ предлогомъ недостаточности книгъ учебныхъ, пишутъ собственные свои уроки и списываніемъ ихъ много обременяютъ учащихся вопреки училищному уставу, а нѣкоторые, избирая въ руководство, по своему произволу, писателей иностранныхъ, при изъясненіи предметовъ богословскихъ уклоняются въ излишнія уместованія. Въ пресѣченіе сего безпорядка и для соблюденія единообразія во всѣхъ училищахъ духовныхъ, комиссія за нужное признала положить извѣстные предѣлы, изъ которыхъ не должны выходить наставники, и подтвердить имъ, чтобы до составленія впрямь отъ комиссіи полнѣйшаго круга учебныхъ книгъ, болѣе соотвѣтственныхъ своей цѣли, ученіе преподавалось только по слѣдующимъ книгамъ: въ Академіяхъ въ богословскомъ классѣ для богословіи догматической и дѣятельной употреблять руководство Теофилакта Переславскаго“. (Затѣмъ перечисляются руководства по другимъ предметамъ)*). Распоряженіе комиссіи, вызванное безъ сомнѣнія, однимъ частнымъ случаемъ, было понято въ такомъ смыслѣ, что требуется не обременять студентовъ списываніемъ лекцій и ввести въ употребленіе между ними богословіе Теофилакта Горскаго, а между тѣмъ наставникъ можетъ въ классѣ читать лекціи по своему плану, только бы не уклонялся въ излишнія уместованія, заимствуя оныя у писателей иностранныхъ. Такъ дѣло и было поведено въ Академіи. Иначе чтеніе печатнаго богословія въ классѣ показалось бы для слушателей дѣломъ вообще не занимательнымъ. Въ первый курсъ по вступленіи въ должность, Поликарпъ читалъ лекціи по запискамъ Кирилла, но со вто-

*) Дѣла управл. М. Д. Академіи 1825 г. № 5.

раго курса началъ составлять свои записки, которыя въ слѣдующіе курсы измѣнялъ, дополнял, передѣлывалъ. Мы имѣемъ полный экземпляръ его лекцій *). При составленіи ихъ, онъ слѣдовалъ преимущественно Либерманну, котораго книга была тогда еще новостію (1-е изданіе 1819 г.), и кромѣ того руководствовался системами Добмайера, Фрейера и Виста. Особенный интересъ его лекціямъ придавало то, что онъ подкрѣплялъ богословскія положенія свидѣтельствами св. Отцевъ восточной Церкви; выписками изъ ихъ твореній ежедневно занимался у него по пяти студентовъ, и очередь этого дѣла обходила весь курсъ. Лекціи преподавалъ Поликарпъ на латинскомъ языкѣ.

Преемникъ Поликарпа, ректоръ Филаретъ Гумилевскій, оставилъ въ Академіи память по себѣ, какъ отличномъ профессорѣ — догматистѣ, который съ обширною ученостію соединялъ необычайное трудолюбіе. Своими серьезными и умными лекціями по догматикѣ онъ возбуждалъ въ студентахъ искреннюю любовь къ ученому труду и къ занятію наукою. Онъ выступилъ на поприще ученія съ новыми приемами, — съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторіею догматовъ, съ рѣзкими опроверженіями мнѣній, порожденныхъ раціонализмомъ въ протестантскомъ западѣ, что было занимательною новостію для его слушателей.

Лекціи свои Филаретъ издалъ въ 1864 году въ Черниговѣ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: православное догматическое богословіе. Планъ напечатанныхъ лекцій удержанъ у него тотъ же, какого держался онъ въ Академіи, какъ можно видѣть это изъ его академическихъ конспектовъ. Только въ не многихъ случаяхъ видно измѣненіе въ

*) Списокъ первой части богословія Поликарпа принадлежалъ П. С. Казанскому, вторая часть въ библиотекѣ М. Д. Академіи.

порядкѣ трактатовъ; напр. въ академическихъ лекціяхъ онъ читалъ о единствѣ существа Божія прежде, нежели о свойствахъ Божіихъ, а въ печатной догматикѣ послѣдній трактатъ предшествуетъ первому, и т. п. Предметъ науки распланированъ у него слѣдующимъ образомъ: I) Богъ въ себѣ а) Единый по существу; б) Троичный въ лицахъ; 2) Богъ въ явленіи тварямъ а) Творецъ и Промыслитель I) міра вообще, II) міра духовъ безтѣлесныхъ, III) человѣка; 3) Богъ спаситель падшаго человѣка, а) Богъ Отецъ въ совѣтѣ о спасеніи человѣка, б) Богъ Сынъ, совершающій искупленіе человѣка, в) Богъ Духъ Святой, совершающій освященіе человѣка; 4) Богъ, исполнитель цѣли Своей о мірѣ.

Изъ разсмотрѣнія догматическаго богословія Филарета открывается, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ всего болѣе руководствовался догматиками Клея и Бреннера. То и другое сочиненіе принадлежатъ богословамъ римско-католическимъ, и въ ту пору, какъ Филаретъ вступилъ на кафедру догматики, были въ ученомъ мірѣ новинкою. Богословіе Клея вышло въ 1835 году подъ заглавіемъ: N. Klee Katholische Dogmatik. Mainz 2 Theile, а Бреннера въ 1837 г. (въ новой обработкѣ) подъ заглавіемъ: System der Katholischen Speculativen Theologie. Regensburg. 2 Theile. Должно признаться однако, что слѣдованіе Клею и Бреннеру у Филарета состояло въ заимствованіи у нихъ отчасти плана а главнымъ образомъ приводимыхъ ими мнѣній изъ писателей классическихъ и Отцовъ Церкви, а изложеніе, довольно сжатое сравнительно съ ихъ изложеніемъ, замечательно, за нѣкоторыми исключеніями, характеромъ самостоятельной работы. Филаретъ отличался особымъ складомъ рѣчи: выраженія его, особенно тамъ, гдѣ онъ борется съ древними еретиками, съ неправомысліемъ католицизма и протестантизма и съ крайними воззрѣніями раціоналистовъ, довольно

рѣзки и оригинальны. Таковъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, таковъ и въ догматикѣ.

О характерѣ и достоинствѣ догматическихъ лекцій ректора Академіи Алексія можно судить по его богословскимъ трактатамъ о Св. Троицѣ, объ Ангелахъ-хранителяхъ, о лицѣ Іисуса Христа и о Богоматери, напечатанныхъ въ прибавленіяхъ къ Академическому изданію: Творенія св. Отцевъ Церкви, за 1847—1849 г.

Съ необычнымъ запасомъ разнородныхъ, и можно сказать, энциклопедическихъ свѣдѣній вступилъ на кафедру догматики послѣдній ректоръ разсматриваемаго періода Академіи, знаменитый Александръ Васильевичъ Горскій. Вооруженный глубокимъ и основательнымъ знаніемъ исторіи церковной, изученію которой посвятилъ онъ 30 лѣтъ, обогащенный въ то же время и обширными богословскими свѣдѣніями, Горскій безъ труда овладѣлъ поздно доставшимся ему новымъ предметомъ преподаванія. Въ его богословскихъ чтеніяхъ замѣтно преобладаніе элемента историческаго; раскрытію ученія положительнаго у него предшествуетъ исторія догмата, частію обработанная имъ прежде въ его историческихъ лекціяхъ, частію вновь изложенная при помощи лучшихъ новыхъ сочиненій западныхъ богослововъ. Изъ нихъ онъ слѣдовалъ преимущественно Канису, Штайденмайеру, Филиппи и Куну. Кромѣ внесенія историческаго элемента въ свои лекціи, онъ не мало удѣлялъ мѣста и полемической части, вступая въ горячую борьбу съ представителями отрицательныхъ воззрѣній Тюбингенской школы. Въ совершенствѣ владѣя еврейскимъ, классическими и новыми языками, онъ, при раскрытіи положительнаго ученія, давалъ мѣсто мѣткимъ филологическимъ разысканіямъ, и любилъ подкрѣплять свое мнѣніе удачно выбранными и основательно объясненными мѣстами изъ твореній отеческихъ, которыя приводилъ иногда въ под-

линникѣ. Догматику читалъ онъ 12 лѣтъ, и, задавшись обширною программю, не успѣвалъ въ теченіе курса прочитать своего предмета въ полномъ объемѣ, но между тѣмъ въ каждый курсъ готовилъ нѣсколько новыхъ лекцій, такъ что не всякому курсу читалъ одно и то же, а пропускаемая прежде читанные трактаты, читалъ вновь составленные уже по другому какому-либо отдѣлу догматики. Мы имѣемъ подъ руками его собственноручныя записки по догматическому богословію. Онѣ содержатъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Исторію догматики; 2) О Богѣ и Его свойствахъ; 3) О св. Троицѣ; 4) О Богѣ, какъ Творцѣ; 5) Объ Ангелахъ; 6) О человѣкѣ; 7) О Богоматери; 8) О Царскомъ служеніи Іисуса Христа; 9) О Таинствахъ; 10) О послѣднихъ судьбахъ человѣка, міра и Церкви. Во всѣхъ лекціяхъ встрѣчаются значительныя поправки и вставки не малаго объема. Тутъ же находятъя многочисленныя указанія на источники и первоначальныя и второстепенныя, и выписки замѣчательныхъ мѣстъ изъ разныхъ сочиненій. Всѣ лекціи запечатлѣны духомъ строгаго православія и крѣпкой вѣры въ силу слова Божія, какъ основанія ученія догматическаго.

Скромность не позволяетъ намъ произносить суда о достоинствѣ богословскихъ лекцій четверыхъ ректоровъ Московской Академіи, нынѣ во Святительскомъ санѣ живущихъ.

Богословіе нравственное.

Чтеніе по классу нравственнаго богословія первый открылъ въ Академіи бакалавръ Григорій Александровичъ Левицкій, который началъ читать лекціи по сему предмету съ 6-го сентября 1817 года. Такимъ образомъ курсъ нравственнаго богословія продолжался одинъ годъ. Такъ было и въ слѣдующій курсъ: бакалавръ іеромонахъ Моисей (Сахаровъ) дѣятельное богословіе началъ читать въ августѣ

1819 года и окончилъ оное въ юнѣ 1820 года. Въ расположеніи плана лекцій Левицкій слѣдовалъ конспекту, данному комиссіею духовныхъ училищъ, именно раздѣлилъ ученіе на три части, положивъ въ основаніе дѣленія понятіе о подлежащемъ, о предметѣ и образѣ нравственнаго дѣйствования. Первая часть называется богословскою понкою (Ethica), въ которой рѣшаются четыре вопроса: 1) о состояніи челоуѣка естественнаго, или невозрожденнаго, 2) о состояніи челоуѣка духовнаго, или возрожденнаго, 3) о средствахъ жизни духовной, 4) о способѣ цѣпытанія духовъ. Вторая часть—божественное правовѣдѣніе (Jurisprudentia divina), въ которой, послѣ раскрытія понятій о семь правѣ, говорится объ общихъ и частныхъ обязанностяхъ челоуѣка возрожденнаго по отношенію къ Богу, ближнему и самому себѣ. Въ третьей части, называемой христіанское благоразуміе, разсматриваются обязанности христіанина нещась о назиданіи Церкви и въ частности обязанности пастырей Церкви. Въ пособіе при изученіи нравственнаго богословія, кромѣ Отцевъ и учителей Церкви, въ особенности Макарія Египетскаго и Августина, Левицкій рекомендуетъ Тому Кемпійскаго, Арндта, Гурибекка (Hoogbeekius) и сочиненіе неизвѣстнаго автора, напечатанное въ 1701 году на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: исторія возрожденныхъ. При составленіи своихъ лекцій Левицкій руководствовался не мало системою Буддея (institutiones Theologiae moralis. Lips. 1727) *).

Изъ конспекта лекцій бакалавра іеромонаха Моисея Сахарова, который читалъ оныя во второмъ академическомъ курсѣ, видно, что онъ руководствовался уроками Иннокентія Смирнова, бывшаго впоследствии епископомъ Пензен-

*) Мы имѣли два экземпляра лекцій Левицкаго, одинъ изъ бібліотеки прот. Шиллегодскаго, другой прот. Потапова.

скимъ. Уроки сіи на латинскомъ языкѣ были въ употребленіи еще у студентовъ перваго академическаго курса, а въ 1821 году напечатаны на русскомъ языкѣ во второй части собранія сочиненій преосв. Иннокентія. Лекціи Иннокентія, по основательности мыслей и ясности изложенія, были въ ту пору лучшимъ руководствомъ для изученія нравственнаго богословія. Черезъ три года послѣ ихъ изданія (1824) вышелъ въ свѣтъ трудъ профессора Кочетова по тому же предмету (Черты дѣятельнаго ученія въры), имѣющей много общаго съ лекціями Иннокентія.

Книга Кочетова была руководственною въ Московской Академіи при Евлампіи, который преподавалъ нравственное богословіе отъ 1824 до 1831 года *). Мы имѣемъ собственное его свидѣтельство о составѣ его лекцій. Въ донесеніи академическому правленію онъ писалъ: „представляя академическому правленію обзорѣніе предметовъ по классу дѣятельнаго богословія, имѣю честь донести, что имѣя въ виду возможнымъ образомъ держаться даннаго предписаніемъ комиссіи духовныхъ училищъ въ 1825 г. руководства (т.-е. Theophylacti doctrina de agendis), впрочемъ достигать по возможности полноты, потребной въ систематическомъ изложеніи нравственныхъ истинъ, а притомъ необременять и учащихся письмомъ, я приобщилъ для себя къ данному вообще руководству книгу, извѣстную подъ заглавіемъ: черты дѣятельнаго ученія, вознамѣрившись восполнять, или поправлять одного автора другимъ, а симъ образомъ и облегчить трудъ и дѣлать оный полезнѣе. По предположенному плану раздѣливъ на три части дѣятельное богословіе, собственно на нравственность, или на ученіе о подлежащемъ, на правовѣдѣніе и благоразуміе христіанское, я первую часть проходилъ по означенной книгѣ, гдѣ сія часть изложена въ надлежащемъ порядкѣ и полнотѣ, а у автора

*) Экземпляръ его лекцій въ бібліотекѣ М. Д. Академіи.

(т.-е. у Теофилакта) безъ нарочитой цѣли и порядка поставлена на концѣ. Что касается до разности языка съ даннымъ руководствомъ, то російскій языкъ избранъ для удобства и приличія изслѣдованія нравственныхъ истинъ, долженствующихъ быть близкими къ уму, а еще ближе того къ сердцу. Употребленіе латинскаго языка, вмѣсто преподаванія на немъ уроковъ, достаточно можетъ быть замѣнено сочиненіемъ на латинскомъ языкѣ разсужденій. А между тѣмъ само по себѣ классическое чтеніе автора не останется безъ пользы для латинскаго языка“*). При другомъ случаѣ Евлампій свидѣтельствуетъ, что первую часть нравственнаго богословія онъ преподавалъ по книгѣ Кочетова на русскомъ языкѣ, а вторую—объ обязанностяхъ христіанина—по руководству Теофилакта—на латинскомъ языкѣ. Такъ составленъ и конспектъ: половина на русскомъ и половина на латинскомъ языкѣ.

Преемникомъ Евлампія по кафедрѣ нравственнаго богословія былъ іеромонахъ Платонъ Казанскій, котораго лекціи (на латинскомъ языкѣ) также дошли до насъ **). Онѣ составлены преимущественно по руководству Рейбергера (*institutiones Ethicae Christianae* Wienn. 1819. 3 части); по мѣстамъ Платонъ пользовался лекціями Иннокентія и учебною книгою Теофилакта; планъ удержанъ назначенный въ конспектѣ комиссіи духовныхъ училищъ.—Нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ за Платономъ наставниковъ нравственнаго богословія читали этотъ предметъ по Штапфу.

Богословіе обличительное.

Для руководства при изученіи полемическаго богословія комиссія дух. училищъ рекомендовала книгу Шуберта:

*) Дѣла Акад. Правл. 1826 г., № 96.

**) Лекціи Платона въ библиотекѣ М. Д. Академіи. Экземпляръ студента Евевмія Орлинскаго, нынѣ Евсевія архіепископа Морялевскаго.

institutiones Theologiae polemicae, 4 части, изд. 1755. Послѣ Гермогена, отъ котораго не сохранилось ни записокъ, ни конспекта его чтеній, преподавателемъ этой науки въ Академіи былъ іеромонахъ Платонъ Березинъ, бакалавръ и потомъ инспекторъ (1818—1826). Сохранился конспектъ его полемическихъ лекцій (читанныхъ на русскомъ языкѣ), который показываетъ, что лекціи по объему были довольно обширны и по содержанію занимательны. Видно также, что онъ не держался Шуберта. Послѣ предварительныхъ понятій о богословіи полемическомъ, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію „системъ чистой подлежательности скептицизма, критицизма, идеализма“, затѣмъ критически разбираетъ системы матеріализма, спиритуализма, антропоморфизма, натурализма, или пантеизма, гдѣ разсматриваетъ ученіе Спинозы; далѣе разбираетъ ученіе совершеннаго отрицанія, непосредственнаго созерцанія (Плотинъ); потомъ излагаетъ и опровергаетъ ложное ученіе о происхожденіи міра изъ вѣчной матеріи и ученіе дуалистовъ, переходитъ къ разбору лжеученія о Св. Троицѣ и въ этомъ отдѣлѣ опровергаетъ ученіе Савеллія, Арія и Македонія, разсматриваетъ потомъ мнѣніе о строителствѣ спасенія человѣческаго и опровергаетъ ученіе Пелагія, Социна и новѣйшихъ Англійскихъ натуралистовъ; говоритъ потомъ о пререкаемыхъ пунктахъ въ ученіи римскихъ католиковъ и лютеранъ, и наконецъ о детерминизмѣ или христіанскомъ фатализмѣ (ученіе Цвинглія и Кальвина). Сверхъ сего Платонъ преподавалъ историческое ученіе о русскомъ расколѣ съ присовокупленіемъ опроверженія. Руководствомъ ему по этому предмету служили Симонъ Лаговъ и Никифоръ Θεотоки.

Въ 1825 году комиссія дух. училищъ предписала при преподаваніи полемическаго богословія въ Академіяхъ вмѣ-

сто Шуберта руководствоваться богословіем Иринея Фальковскаго.

Преемникъ Платона Евлампій составилъ свой курсъ лекцій воинственнаго или обличительнаго богословія, руководствуясь частію записками Платона, частію Фальковскимъ. Въ донесеніи правленію о преподаваніи сего предмета въ 1826 году, онъ говоритъ: „изложеніе предметовъ обличительнаго богословія продолжаемо было по назначенному въ первый годъ плану, при придержаніи впрочемъ автора (т.-е. Фальковскаго), а о ученіи католической Церкви изложено по самому автору, и все вообще на російскомъ языкѣ“. Вотъ порядокъ чтеній Евлампія: еретиковъ и неправомыслящихъ онъ дѣлитъ на три разряда: первый разрядъ составляетъ двоякаго рода общества: 1) прямо на одномъ разумѣ создающіе всеобщую естественную вѣру, натуралисты, или деисты. Сюда же относятся индифферентисты и синкретисты; 2) на основаніи того же разума, только подъ прикрытіемъ Писанія, испровергающіе чистыя начала вѣры: арминіане, социніане. Второй разрядъ составляютъ общества, на основаніи мнимаго откровенія уклонившіяся въ заблужденія: квакеры, энтузиасты, еософы, піетисты. Третій разрядъ — общества или церкви, при одинаковомъ съ нами чистомъ основаніи Писанія уклонившіяся отъ первоначальной чистоты вѣры въ различныя произвольности: паписты, лютеране, реформаты. Наконецъ особое отдѣленіе составляютъ ереси и расколы отечественные *).

Послѣ Евлампія полемическое богословіе присоединено къ догматическому, и этотъ предметъ преподавалъ на латинскомъ языкѣ ректоръ Поликарпъ **). Такъ было до

*) Экземпляръ лекцій Евлампія у протоіерея Ф. А. Сергіевскаго.

**) Конспектъ 1833—4 г., № 126.

1848 года, когда открыта отдѣльная кафедра по ученію о вѣроисповѣданіяхъ и расколахъ. Въ 1854 году открыто сверхъ того *миссіонерское отдѣленіе* для изученія исторіи и для обличенія русскаго раскола.

Богословіе пастырское.

Классъ пастырскаго богословія большею частію присоединенъ былъ къ классу нравственнаго богословія и порученъ былъ инспектору Академіи. Въ руководство назначена книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ. Изъ записокъ по сему предмету сохранились записки Евлампія на латинскомъ языкѣ; онѣ составлены по руководству Шенкля (*Theologiae pastoralis systema Ingolst. 1815*). Послѣ Евлампія лекціи по пастырскому богословію читаны были на русскомъ языкѣ; пособиями служили, кромѣ твореній отеческихъ, и особенно книги Григорія Великаго: *liber regulae pastoralis*, сочиненія Шенкля, Ценнера, Повондры и Зайлера; *Conferences ecclesiastiques de Massillon, de Sacerdotio Morini, Ligorio homo apostolicus* и др.

Истолковательное богословіе и чтеніе Св. Писанія.

До 1828 года, когда издана книга архим. Іоанна: *delineatio hermenevticae sacrae*, руководственною книгою для изученія правилъ толкованія Св. Писанія было сочиненіе Рамбаха: *institutiones hermenevticae sacrae*, а для истолкованія Св. Писанія назначена руководствомъ книга Амвросія Подобѣдова: руководство къ чтенію Св. Писанія.

Въ первую же треть перваго академическаго курса тотъ и другой предметъ введены были въ Академіи, и герменевтику преподавалъ по Рамбаху на латинскомъ языкѣ, а введеніе въ св. книги и толкованіе читалъ на русскомъ инспекторъ Академіи, архимандритъ Филаретъ. Предме-

томъ для изъясненія избрана книга Бытія, которую объяснялъ Филаретъ, руководствуясь записками на книгу Бытія Филарета Дроздова, тогда еще неизданными въ свѣтъ. Съ октября до декабрскихъ экзаменовъ, кромѣ общаго введенія въ книгу Бытія, онъ прочиталъ описаніе творенія міра и окончилъ покоемъ седьмого дня. Чтеніе герменевтики и толкованіе Св. Писанія Филаретъ продолжалъ во весь курсъ, и, когда опредѣленъ ректоромъ (1816 г.), не оставилъ этого предмета. Онъ продолжалъ толкованіе на историческія и пророческія книги Ветхаго Завѣта, въ то же время бакалавръ Левицкій объяснялъ учительныя книги и составилъ записки на книгу Іова, книгу Притчей, Екклѣзіаста (до 15 стиха IV главы), сверхъ того толкованіе на 28 главъ Второзаконія. Довольно замѣчательнымъ произведеніемъ Филарета по предмету истолкованія Св. Писанія можно признать толкованіе его на книгу Пророчества Ісаіи съ общимъ введеніемъ къ истолковательному чтенію пророческихъ книгъ и въ частности къ чтенію Ісаіи. Толкованіе въ нашемъ спискѣ оканчивается 34-мъ стихомъ 10-й главы. Авторъ, при составленіи записокъ, руководствовался обширнымъ сочиненіемъ Витринги (*Commentar. in Librum Jesaiae 2 тома Basil. 1732*): при толкованіи онъ слѣдовалъ его приемамъ, именно, сначала предлагалъ отдѣлъ текста, который приводилъ въ переводъ съ подлинника, при семъ исправлялъ Славянскій переводъ, потомъ разсматривалъ цѣль, содержаніе и части избраннаго отдѣленія или „слова“, далѣе у него слѣдуетъ изысканіе подлежащаго пророчества (т.-е. лица, или народа, къ которому относится пророчество) и времени произнесенія пророчества, послѣ того частное раздѣленіе слова и наконецъ изъясненіе мѣстъ, какъ трудныхъ къ понятію, такъ и особенно примѣчанія достойныхъ. При изъясненіи словъ пророка Филаретъ прежде всего обращается къ букваль-

ному смыслу, потомъ раскрываетъ символическій смыслъ пророчества. Несмотря на заимствованіе, трудъ Филарета имѣетъ неотъемлемыя достоинства: много такта, много знанія и неутомимаго труда требовалось, чтобъ изъ этого моря ученыхъ толкованій Витринги извлечь существенно необходимое и годное для слушателей, не утомляя ихъ вниманія сборомъ изслѣдованій филологическихъ, сведеніемъ множества мѣстъ параллельныхъ, свидѣтельствами изъ іудейскихъ и другихъ писателей и т. п. Строго говоря, толкованіе Филарета не есть переводъ, тѣмъ менѣе буквальный, изъ Витринги; это выборъ и притомъ строгій и благоразумный.

Послѣ Филарета чтеніе герменевтики и истолкованіе св. Писанія возложено на инспектора, іеромонаха Платона Березина, который въ донесеніи своемъ правленію (іюнь 1819 г.) писалъ, что въ теченіе года имъ прочтена была герменевтическая часть богословія и сверхъ того медленнымъ, истолковательнымъ чтеніемъ — книга Бытія и скорымъ чтеніемъ книги: Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконіе, Іисуса Навина и Судей. Между тѣмъ новый ректоръ Кириллъ читалъ второму курсу толкованіе на посланіе къ Евреямъ, за которое авторъ получилъ степень доктора богословія *). Всего болѣе при составленіи толкованія Кириллъ пользовался Розенмюллеромъ, но указываетъ и на другія пособія, напр. Лимборха, Лангія и др.

Съ 1824 года герменевтику преподавалъ и св. Писаніе объяснялъ іеромонахъ Аѳанасій Дроздовъ. Въ отзывѣ о преподаваніи за первые два года онъ писалъ: „правила науки истолковательной читаны мною по автору Рамбахію

*) Экземпляръ этого сочиненія, оставшагося въ рукописи, принадлежалъ проф. П. С. Казанскому. Этотъ экземпляръ представляетъ толкованіе уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ противъ тѣхъ записокъ, по которымъ Кириллъ читалъ въ классѣ.

съ избраніемъ изъ него того, что болѣе нужно для разумѣнія Писанія. Историческія книги св. Писанія читаны при пособіи назначеннаго комиссіею духовныхъ училищъ руководства преосв. Амвросія съ исправленіемъ слога, съ дополненіями, въ особенности въ прообразовательныхъ и пророчесственныхъ мѣстахъ, на которыя авторъ сдѣлалъ одни указанія. Книги учительныя читаны по моимъ запискамъ; по недовольной точности и ясности перевода LXX толковниковъ, каждая глава была переводима мною съ подлиннаго на русскій языкъ. Книги пророческія не допускаютъ той методы, которая указана руководителемъ, есть ли только не хотимъ ограничиться поверхностнымъ познаніемъ писаній пророческихъ. Посему хотя книгу Исаи пророка я началъ читать уже послѣ предписанія комиссіи (разумѣется предписаніе 1825 года о томъ, чтобъ лекціи читаемы были по предложеннымъ руководствамъ), впрочемъ вынужденнымъ себя нашелъ изъяснять гораздо полнѣе, нежели какъ у руководителя. Поелику же съ другой стороны и такая метода по своей обширности не совмѣстна съ краткостію времени, даннаго на прочтеніе всего св. Писанія: то, чтобы совмѣстить пользу съ временемъ, нужна метода новая, въ которой предварительно надобно изложить все, что только нужно для разумѣнія не того или другаго пророка, но всѣхъ вообще пророковъ*. *) Аѳанасій предлагалъ правленію, что онъ составитъ новое обозрѣніе методы для истолкованія пророчествъ, и изъ конспекта 1828 года мы видимъ, что онъ дѣйствительно составилъ довольно обширное введеніе въ книги пророческія и внесъ въ оное новыя вопросы, которыхъ въ прежнихъ конспектахъ не было. По классу истолкованія св. Писанія много понесено труда и много сдѣлано въ курсы XI—XIII бакалавромъ іеромонахомъ Агаѳанге-

*) Дѣла 1826 г. № 96.

ломъ, извѣстнымъ по поднятому имъ дѣлу о литографированномъ переводѣ Библии Павскаго *); въ то же время составлены бакалавромъ іеромонахомъ Евгениемъ прекрасныя записки по герменевтикѣ.

Церковное краснорѣчіе.

Первымъ наставникомъ церковнаго краснорѣчія въ Моск. Академіи былъ воспитаникъ Петербургской Академіи Петръ Ивановичъ Розановъ, котораго уроки дошли до насъ**). Они составлены довольно обстоятельно и написаны языкомъ довольно легкимъ и чистымъ. Во вступленіи наставникъ говоритъ о происхожденіи и образованіи языковъ: славянскаго и русскаго, предлагаетъ затѣмъ краткую характеристику русскіхъ писателей, потомъ переходитъ къ наставленіямъ въ краснорѣчіи церковномъ, разсматриваетъ важность служенія церковнаго оратора, и послѣ опредѣленія своей науки, начертываетъ исторію церковнаго краснорѣчія, гдѣ изслѣдуетъ состояніе онаго въ церкви восточной и западной, у Французовъ, Нѣмцевъ и наконецъ въ Россіи. Второе отдѣленіе системы посвящено изслѣдованію о должностяхъ церковнаго оратора; третье о словѣ церковномъ, гдѣ говорится и о правилахъ дѣйствованія проповѣдическаго. Руководствомъ при составленіи лекцій служили Розанову записки М. М. Сперанскаго о высшемъ краснорѣчіи, руководство къ церковному краснорѣчію (переводъ съ иностраннаго. Сиб. 1804) и сочиненіе Роллена: de la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres (Paris 1777).

Изъ преемниковъ Розанова каедрю церковной словесности болѣе долгое время занимали: іеромонахъ Платонъ Онувейскій (8 лѣтъ) и П. Н. Аничковъ (12 лѣтъ). Въ донесеніи

* „Правосл. Обзор.“ 1878. Январь.

**) Экземпль прот. А. Шиллегодскаго.

Платона, поданномъ имъ въ 1840 году по требованію митрополита Филарета въ правленіе Академіи, значится, что Платонъ при преподаваніи церковнаго краснорѣчія пользовался гомилетикою блаж. Августина и сочиненіями: *die Theorie der Beredsamkeit von Schott; kurzer Grundriss einer biblischer Kritik von Stier*; и сверхъ того, имѣлъ въ виду *Lehrbuch der Pastoralwissenschaft von Köster, Haliematik von Sikkell, institutio sacri oratoris, Fénelon dialogues sur l'éloquence en général et sur celle de la chaire en particulier, Maury principes de l'éloquence pour la chaire, Homiletik von Schidtt. Marezol Pastor Härms*. Для исторіи церковнаго краснорѣчія, „не встрѣчая никакого пособія“, Платонъ справлялся только съ Фотиємъ, Удиномъ, Каве, Дюпенемъ и съ твореніями св. Отцевъ, изъ которыхъ особенное вниманіе обращено было на Ефрема Сирина, Макарія Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, а преимущественно на Іоанна Златоустаго. О нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ проповѣдникахъ было сказано кратко; только французскіе проповѣдники „такъ называемаго“ вѣка Людовика XIV° были подвергнуты подробному разсмотрѣнію, но исторія отечественнаго духовнаго краснорѣчія изложена была съ возможною полнотою *). Лекціи по церковному краснорѣчію Платонъ читалъ каждому курсу въ теченіе втораго года, а на первый годъ тому же курсу преподавалъ пастырское богословіе.

И. Н. Аничковъ въ первый годъ курса преподавалъ церковное краснорѣчіе, а во второй каноническое право. Онъ читалъ по своимъ запискамъ и составилъ довольно широкій планъ науки церковнаго краснорѣчія. Въ первую половину учебнаго года онъ читалъ теорію церковнаго краснорѣчія, а во вторую—его исторію. Послѣ введенія онъ го-

*) Дѣл. правл. 1840 г. № 5.

ворить о искусствѣ церковнаго оратора, о характерѣ, о цѣли христіанскаго проповѣданія и объ условіяхъ къ достиженію сей цѣли. Далѣе трактуетъ о различныхъ видахъ проповѣди. Исторію церковнаго краснорѣчія въ восточной церкви онъ начинаетъ съ Оригена, опредѣляетъ потомъ характеръ и достоинство поученій Отцевъ IV вѣка и послѣдующихъ до XIII вѣка. Послѣ Златоуста онъ занимается характеристикой поученій патріарха Прокла, Кирилла Александрійскаго, Теодорита, аввы Дорофея, Анастасія Антиохійскаго, Софронія Іерусалимскаго, Андрея Критскаго, Дамаскина, и кончаетъ обзоръ исторіи церковнаго проповѣдничества характеристикой греческихъ проповѣдниковъ поздняго времени: Иліи Минятія, Спиридона Трикупи и др. Изъ представителей христіанскаго проповѣданія на западѣ изслѣдуетъ о Кипріанѣ, Иларіи, Амвросіи, Августинѣ, Лаврѣ Великомъ и Григоріи Двоесловѣ. Затѣмъ даетъ обширное мѣсто изслѣдованію о проповѣдникахъ русскихъ, начиная съ Иларіона и Θεодосія печерскаго и заканчивая Августиномъ, архіеписк. московскимъ. Въ заключеніе говоритъ о проповѣдникахъ французскихъ и нѣмецкихъ, о первыхъ — довольно обстоятельно, о послѣднихъ — кратко. И. Н. Аничковъ обладалъ отличнымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, былъ весьма начитанъ, и, надѣленный обширною памятью, сообщалъ интересъ своимъ лекціямъ разнообразными эпизодическими разказами, сопряженными съ предметомъ его чтеній.

Церковная исторія.

До временъ знаменитаго церковнаго историка А. В. Горскаго не было, можно сказать, серьезнаго и обстоятельнаго преподаванія церковной исторіи въ Академіи: преподаватели этого предмета смѣнялись черезъ годъ, черезъ два и только одинъ (Θ. А. Терновскій) восемь лѣтъ занималъ эту

каедрю. Связанные учебниками Филарета и Иннокентія наставники только дѣлали дополненія и разъясненія къ той, или другой главѣ учебниковъ и вообще не далеко уходили отъ учебной книги, какъ замѣтилъ это самъ Филаретъ. Только Терновскій велъ дѣло нѣсколько шире, руководствуясь исторією Сегюра.

Горскій 30 лѣтъ читалъ церковную исторію. Самъ онъ, будучи студентомъ, слушалъ ее полтора года у бакалавра Филарета Гумилевскаго, въ послѣдствіи друга своего, который не любилъ стѣснять себя учебниками и съ рвеніемъ работалъ на исторической почвѣ. Лекціи Филарета легли на добрую землю, и Горскій полюбилъ исторію, полюбилъ кропотливый разборъ древнихъ памятниковъ и особенно отечественныхъ. Этотъ отдѣлъ исторіи, смѣло можно сказать, былъ въ ту пору, т. е. въ началѣ тридцатыхъ годовъ, совершенною новинкою въ Академіи. Когда друзья науки стали служить вмѣстѣ, занятія исторією сдѣлались для нихъ насущною пищею и скоро ученикъ сталъ достигать мѣры знанія учителя, а потомъ и превзошелъ его. Прежде всего наложена была, хотя и съ осторожностію, критическая рука Горскаго на учебники: въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ сталъ смѣлѣе говорить о недостаткахъ учебныхъ руководствъ, вносилъ новыя изслѣдованія въ библейскую исторію, художественно начерталъ исторію Евангельскую въ полномъ ея объемѣ. Предоставивъ студентамъ на экзаменѣ по библейской исторіи отвѣчать по книгѣ митрополита Филарета, онъ для общей исторіи церковной послѣ — библейскихъ временъ, равно какъ и для русской, составлялъ изъ своихъ лекцій сокращенныя записки къ экзаменамъ. Каждый курсъ онъ исправлялъ, измѣнялъ, дополнял свои лекціи и каждый почти курсъ писалъ новыя статьи въ томъ или другомъ періодѣ исторіи, но по обширности предмета не могъ всего прочитывать студентамъ. Въ отчетѣ о своихъ

лекціяхъ за учебный курсъ 1848—1850 г., представленномъ митрополиту, Горскій писалъ, что „исторія восточной православной церкви изложена имъ вполне, а западной, со времени ея отдѣленія, по большей части только въ случаѣ ея соприкосновенія съ восточною. Исторія же русской церкви преподана до вѣка патріаршаго включительно“ *).

Основная мысль церковной исторіи въ лекціяхъ Горскаго отличается замѣчательною оригинальнію. Всѣ явленія церковно-исторической жизни онъ разсматриваетъ, какъ обнаруженіе дѣйствія трехъ лицъ св. Троицы, при чемъ показывается дѣятельность каждаго изъ этихъ лицъ въ опредѣленной группѣ явленій. Въ конспектѣ его читаемъ слѣдующее: „главныя стороны, съ которыхъ долженъ быть разсматриваемъ предметъ (церк. истор.) а) призваніе народовъ въ нѣдра церкви; б) руководство въ церкви; в) плоды этого руководства въ жизни. 1) Въ *призваніи* проявляется особенное дѣйствіе Бога Отца. Съ исторією призванія соединяется исторія гоненій, мучениковъ, апологетовъ. 2) *Руководство* — дѣло Главы церкви, котораго тройственное служеніе продолжается въ церкви. Соотвѣтственно сему раскрывается здѣсь исторія ученія церковнаго, богослуженія и управленія (церковь-училище, храмъ и царство). 3) Раскрытіе положенныхъ началъ въ *жизни* христіанской подъ особеннымъ вліяніемъ Духа Святаго. Учрежденія касающіяся жизни христіанской, напр. монашество, житія святыхъ. Главныя черты господствующаго направленія въ правахъ общественныхъ — добрыя и худыя“.

За тѣмъ Горскій представляетъ перечень вспомогательныхъ наукъ и источниковъ для всеобщей церковной исторіи, равно какъ обзоръ трудовъ по исторіи церкви, въ такомъ видѣ:

*) Дѣл. правл. 1850 г. № 50.

Церковная географія (Вильча), статистика (Штейдлина, Виггерса) и *хронологія* (L'art verifier les dates des faits historiques).

Исторія христіанскихъ миссій (Fabricii lux Evangelica, Блюмгардъ, Ненгюп).

Исторія догматовъ (Діонис. Петавія, Мюнстера, Неандера); символика исповѣданій (Винера, Мёлера, Герике, Гана). *Патристика и патрологія; исторія ересей* (Вальха).

Церковная археологія (Бингама, Августи, Бинтерима). Дѣянія и правила соборовъ и ихъ исторія.

Исторія христіанской жизни (Четы-Минен, Acta sanctorum, Рюннарта, acta martyrum sincera).

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОЙ.

Древнѣйшіе: сочиненія Егезиппа, Евсевія, еп. Кесарійскаго (разборъ его исторій; чѣмъ онъ пользовался? Достоинство его и недостатки), Руфина, Сульпиція Севера и Орозія. Продолжатели трудовъ Евсевія: Филосторгій, Сократъ, Созомень, Θεодоритъ, Θεодоръ чтець, Евагрій (ихъ характеристическія отличія).

Средневѣковые: на востокъ труды Византійскихъ писателей и Никифора Каллиста. На западъ: Григорія Турскаго, Беды, Адама Бременскаго; historia tripartita; annales разныхъ мѣсть, временъ и лицъ. Къ концу среднихъ вѣковъ начало трудовъ критическихъ: Валла.

Со времени реформациіи — направленіе полемическое: центуріи Магдебургскія; понятіе о нихъ, ихъ достоинства и недостатки. Имъ противопоставила церковь римская лѣтописи Баронія. Ихъ оцѣнка.

Труды: а) *римско-католическихъ ученыхъ* особенно монашествующихъ во Франціи — по изданію древнихъ памятниковъ историческихъ, писаній отцевъ, дѣяній соборовъ, житій святыхъ, исторіи орденовъ монашествующихъ въ

XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Собственно церковно-историческіе труды: Александра Наталиса, Тильмона, Флѣри и въ недавнія времена: Рорбахера, Анріона, Абб. Гете (Абата Миня изданіе).

Изъ нѣмцевъ въ текущемъ столѣтіи Штольберга, Катеркампа, Дёллингера, Альцога.

б) *Протестантовъ* лютеранскаго исповѣданія: Готфрида Арнольда, Вейсмана, Буддея, Мозгейма, Вальховъ, Шрекка. *Ресформатскаго:* Геттингера, Спангейма, Каве, Удина, Бингама и др.

Съ половины прошлаго столѣтія новое направленіе въ богословіи протестантовъ отражается и въ церковно-историческихъ трудахъ: Землера, Генке и т. д. Заслуги Неандера и его школы и важнѣйшіе недостатки въ его трудахъ. Значеніе историческихъ трудовъ Гизелера.

в) *Приблизительно* писателей изъ грековъ: Досеоя, патриарха Іерусалимскаго, Мелетія, митрополита Аѣннскаго. У насъ: св. Димитрія, Меодія псковскаго, Иннокентія пензенскаго и другихъ.—

Можно рѣшительно сказать, что Горскій такъ строго и основательно изучилъ литературу своего предмета, что не оставилъ не прочитанною со вниманіемъ ни одной страницы изъ всѣхъ указанныхъ источниковъ и многихъ другихъ, вышедшихъ послѣ того, пособій, которыя испещрены его замѣтками. Не говоримъ уже о множествѣ монографій историческаго содержанія, которыя также въ большей, или меньшей мѣрѣ носятъ слѣды его мѣткой критики. Изъ критической оцѣнки этихъ пособій, помѣщенной въ его лекціяхъ, видно, что онъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими историческимъ трудамъ Мозгейма, Неандера и Гизелера. О первомъ отзывается онъ такъ: „Мозгеймъ, кромѣ необходимыхъ дарованій для дѣла, кромѣ знанія языковъ, критическаго вкуса, знакомства съ философскою исторіею.

обладал и многими другими преимуществами. Онъ зналъ хорошо свѣтъ и человѣка, что доставило ему возможность часто находить первыя причины событій въ человѣческихъ наклонностяхъ и страстяхъ. Къ еретикамъ онъ былъ слишкомъ снисходителенъ“. О главномъ сочиненіи Мозгейма: *Institutiones historiae Ecclesiasticae antiquioris et recentioris* Горскій говоритъ: „всегда оно основано на свидѣтельствахъ, исполнено остроумныхъ (иногда слишкомъ рѣзкихъ и несправедливыхъ) сужденій и поучительныхъ замѣчаній. Оно отличается прагматизмомъ и искусствомъ изложенія“. О Неандерѣ Горскій дѣлаетъ такой отзывъ: „Неандеръ возстановилъ уваженіе къ древней церковной исторіи. Въ немъ Германія увидѣла перваго историка, раскрывшаго свой предметъ, какъ одно цѣлое, въ стройной и тѣсной связи всѣхъ его частей, жизнь церковную, обнаруживающуюся въ различныхъ явленіяхъ не случайно, но въ строгой послѣдовательности, на основаніи прежде данныхъ началъ. Впрочемъ авторъ на жизнь христіанскую смотритъ съ лютеранской точки зрѣнія“. О Гизелерѣ Горскій замѣчаетъ: „церковная исторія его отличается обширною ученостію, богата выписками изъ источниковъ, но авторъ изъ числа рационалистовъ“.

Неандеръ былъ любимѣйшимъ руководителемъ Горскаго на поприщѣ историческихъ изслѣдованій. И въ библейской и церковной исторіи онъ во многихъ случаяхъ находился несомнѣнно подъ его вліяніемъ: это напримѣръ можно видѣть въ изложеніи исторіи гоненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы пользованіе Неандеромъ доходило у Горскаго до рабскаго заимствованія изъ его исторіи. Онъ въ значительной степени передѣлываетъ Неандера и въ постановкѣ фактовъ и въ воззрѣніяхъ и въ изложеніи; кромѣ того по мѣстамъ свою рѣчь онъ направляетъ прямо противъ Неандера. Гизелеромъ пользовался Горскій преимущественно при критической разработкѣ источниковъ. Изъ новѣйшихъ историковъ Горскій съ замѣтнымъ вниманіемъ относился къ Куртцу (*Kirchengeschichte*. Mitau. 1858). Кромѣ того Горскій въ извѣстныхъ отдѣлахъ пользовался и другими писателями, напр. Чирнеромъ (*Fall d. Heidenthums*) при изображеніи исторіи упадающаго язычества, Лекеномъ, Тильмономъ, Дюненомъ, Селье и др. Верховъ совершенства въ историческихъ изслѣдованіяхъ Горскаго должно признать его Евангельскую исторію, для которой онъ положилъ много самостоятельнаго труда и которую обработалъ съ особеннымъ тщаніемъ. По всей Евангельской исторіи онъ провелъ одну идею, — идею возбужденія Христомъ вѣры, проглядывающую у него и въ такихъ фактахъ, которые при простомъ чтеніи Евангелія, повидимому, никакъ не могли бы привести къ тѣмъ заключеніямъ, какія выводитъ изъ нихъ Горскій. Проникнутый пламенною вѣрою въ покупительныя заслуги Христа Спасителя, Горскій одушевлялся въ своихъ чтеніяхъ и рѣчь его не рѣдко дышала поэтическимъ восторгомъ.

Что касается до лекцій Горскаго по русской церковной исторіи, то работы его по этой части должно признать вполне самостоятельными и оригинальными. Лѣтоисчисл. грамматы, акты онъ изучилъ глубоко и основательно. Ему принадлежитъ честь открытія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы, каковы два слова Иларіона, митрополита кievскаго, поученія Кирилла II, митрополита кievскаго, митрополитовъ московскихъ: Петра и Алексія. Эти открытія, въ особенности открытіе словъ Иларіона, сдѣланное имъ черезъ 10 лѣтъ службы въ Академіи, заставили русскихъ ученыхъ съ великими похвалами произносить имя Горскаго, какъ историка, а изслѣдованія его по русской исторіи дали ему мѣсто въ ряду великихъ ученыхъ. Его біографіи древнихъ святителей москов-

скихъ, составленныя по предложенію м. Филарета, могутъ считаться образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Не уступаютъ имъ въ достоинствѣ монографіи его и о восточныхъ Отцахъ: Аѳанасіѣ александрійскомъ, Василиѣ Великомъ и блаж. Теодоритѣ *).

О характерѣ изложенія въ сочиненіяхъ Горскаго должно замѣтить, что онъ писалъ языкомъ необыкновенно выработаннымъ и чистымъ, не допускалъ въ рѣчи терминовъ иностранныхъ, избѣгалъ неопредѣленныхъ и обоюдныхъ выраженій, выбиралъ слова и выраженія точныя и вѣскія, наблюдалъ крайнюю осторожность въ постановкѣ фразы и при всемъ ученомъ характерѣ изслѣдованій не впадалъ въ сухость изложенія.

Съ 1844 года библейская исторія отдѣлена отъ кафедры Горскаго и для преподаванія ея назначенъ былъ особый наставникъ. На экзаменахъ по прежнему студенты отвѣчали по книгѣ Филарета, а лекціи наставники читали по своимъ запискамъ, какъ это дѣлалъ и Горскій. Но что сходило съ рукъ Горскому, то не легко сходило его адъюнктамъ. Въ 1850 году, когда митрополитъ предъ экзаменами потребовалъ отъ наставниковъ отчета въ прочитанномъ студентамъ, бакалавръ библейской исторіи И. И. Побѣдинскій написалъ также, какъ и другіе писали въ донесеніи, что онъ преподавалъ исторію по собственнымъ запискамъ. Митрополитъ написалъ на донесеніи: „желаю видѣть записки и узнать настоящую въ нихъ надобность, когда есть учебная книга и когда для студентовъ много письменной работы по предметамъ, не имѣющимъ учебныхъ книгъ“.

*) М. П. Погодинъ, глубокой почитатель Горскаго, прибѣгавшій весьма часто къ его совѣтамъ и ученому суду при своихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи, о біографіи Аѳанасія александрійскаго отзывался такъ, что онъ нѣсколько разъ перечиталъ это сочиненіе Горскаго и что ничего подобнаго ему не встрѣчалъ ни въ какой литературѣ.

Вслѣдствіе сего правленіе потребовало отъ бакалавра объясненія о томъ, какія составляемы были имъ записки. Бакалавръ отвѣчалъ, что записки, употребляемыя имъ при чтеніи уроковъ по библейской исторіи, не были назначаемы для изученія воспитанникамъ, что это были собственныя его замѣтки, съ которыми онъ имѣлъ нужду справляться при чтеніи уроковъ въ классѣ, что строго держась назначеннаго учебнаго руководства, онъ старался дополнять то, что сказано въ немъ кратко, или на что находятся въ немъ указанія, что, не надѣясь на вѣрность памяти, онъ долженъ былъ дѣлать полезныя для объясненія священныхъ событій выписки изъ различныхъ писателей, излагая на бумагѣ хронологическія соображенія и объясненія мѣстъ св. Писанія, особенно замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи. Въмѣстѣ съ тѣмъ Побѣдинскій просилъ правленіе исходатайствовать ему у митрополита прощеніе за донесеніе, написанное имъ не точно и послужившее поводомъ къ сдѣланному ему замѣчанію. При представленіи правленія приложена была и часть лекцій Побѣдинскаго, писанныхъ чрезвычайно мелко и неразборчиво. На представленіи правленія митрополитъ написалъ: Смотрено. Возвратить. Прощеніе не нужно. Вопросъ предложенъ былъ для полученія свѣдѣнія безъ предосужденія трудившемуся *).

Въ 1844 году въ одно время съ отдѣленіемъ библейской исторіи отъ общей церковной открыта кафедра *церковной археологіи*.

Патристика и каноническое право.

Преподаваніе первой науки, какъ отдѣльной и самостоятельной, введено было въ первый разъ въ 1841 г., и первый наставникъ по сему предмету, Евгеній, составилъ от-

*) Дѣл. 1850 г. № 50.

четливые лекции, которые служили руководством и в последующие времена. Чтение канонического права введено в 1840 году.

Съ 1842 года до 1854 года церковное право преподавалъ И. Н. Аничковъ. Наука не была нисколько обработана и требовались особые усилія со стороны наставника создавать ее. При тѣхъ богатыхъ средствахъ, которыми обладалъ Аничковъ, при его многознаніи, трудолюбіи и энергіи, ему удалось составить самостоятельный курсъ лекцій по программѣ довольно широкой. Послѣ введенія, сказавъ объ общихъ основаніяхъ права церковнаго, онъ переходитъ къ обзору источниковъ права церковнаго а) *на востоцѣ*. Здѣсь останавливается прежде всего на изясненіи мѣстъ св. Писанія, относящихся къ предмету науки, говоритъ объ Апостольскомъ преданіи, о правилахъ Соборовъ и Отцевъ церкви; указываетъ слѣды собранія правилъ въ дѣянiяхъ 3-го и 4-го вселенскихъ Соборовъ; говоритъ о частныхъ собирателяхъ правилъ въ V и VI вѣкахъ, рассматриваетъ значеніе для церковнаго права законодательства Импер. Θεодосія и Юстиніана; занимается обзоромъ трудовъ Іоанна Схоластика, патріарха Фотія; сообщаетъ свѣдѣнія о трудахъ Пселла, Зонары, Аристена, Арменопула и Властаря; произноситъ сужденіе о греческихъ Бормчей Лейпцигской 1800 года и Аѳинской 1841 года. б) *Въ земляхъ славянскихъ и въ Россіи*. Пересматриваетъ кодексы правилъ церковныхъ: болгарскій, сербскій и валахскій. Указываетъ на первые слѣды употребленія греческихъ церковныхъ правилъ въ Россіи и говоритъ о переводѣ ихъ на отечественный языкъ; сообщаетъ свѣдѣнія о дополненіяхъ собранія этихъ правилъ уставами русскихъ пастырей и государей, о исправленіи славянскаго перевода Бормчей стараніемъ митрополитовъ Кирилла и Кипріяна, Макасіма Грека и митрополита Макарія, о Бормчей, изданной

при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, о духовномъ регламентѣ, о сводѣ законовъ относительно къ составу церковнаго законоположенія, и заключаетъ этотъ отдѣлъ сужденіемъ объ изданіи правилъ 1839 года и разсмотрѣніемъ устава духовныхъ консисторій. в) *На западѣ*. Здѣсь обозрѣваетъ древнѣйшіе латинскіе переводы греческаго кодекса церковныхъ правилъ; говоритъ о Діонисіи Маломъ, о прибавленіи къ греческимъ статьямъ правилъ западныхъ соборовъ и епископовъ, объ африканскомъ кодексѣ церковныхъ правилъ, о собраніи папскихъ декреталій въ IX вѣкѣ, о Граціанѣ болонскомъ и его ученикахъ, о новыхъ прибавленіяхъ къ правиламъ до собора тридентскаго. Отдѣлъ этотъ заключаетъ общими замѣчаніями о новѣйшихъ источникахъ права западной церкви у различныхъ народовъ Европы.

Послѣ сего Аничковъ говоритъ объ устройствѣ Церкви православной, о патріархахъ и вообще архіереяхъ въ Греціи и Россіи въ древнее время, о учрежденіи св. Синода, о настоятеляхъ монастырей и бѣломъ духовенствѣ. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ о управленіи церкви православной, въ которомъ говорится о правѣ духовнаго учительства, священнодѣйствія и церковнаго суда.

Ф и л о с о ф і я.

Лекціи по классу философскихъ наукъ въ новой Академіи открыты были 23 октября 1814 года бакалавромъ Иваномъ Константиновичемъ Носовымъ. До 24-го февраля 1815 года онъ прочиталъ на латинскомъ языкѣ краткое введеніе въ философію и исторію философскихъ системъ, потомъ до окончанія учебнаго года читалъ опытную психологію. *) Не останавливаемся на этомъ первомъ настав-

*) Лекціи Носова (praelectiones philosophiae) записаны Θεодоромъ Алекс. Голубинскимъ, и экземпляръ этотъ хранится у Д. Θ. Голубинскаго. Compendium psychologiae empiricae — экземпляръ прот. Шиллегодскаго.

никъ философіи, который преподавалъ только одинъ годъ. Исторію философіи извлекъ онъ изъ Бруккера, представивъ ее въ весьма сокращенномъ видѣ; опытную психологію читалъ по Карпе. Книга Карпе, по распоряженію комиссіи духовныхъ училищъ, назначена руководствомъ для Академіи въ 1814 году, а философію Баумейстера тогда же предписано оставить учебною книгою въ Семинаріяхъ.

Послѣ Носова чтеніе философіи возложено на В. И. Кутневича, который преподавалъ ее 9 лѣтъ и оставилъ воспоминаніе о себѣ, какъ о весьма даровитомъ и трудолюбивомъ наставникѣ. Своими лекціями онъ далъ понять своимъ слушателямъ высокое значеніе науки, способствовалъ развитію въ нихъ строгаго и основательнаго мышленія и сообщилъ доброе направленіе ихъ умственной дѣятельности. Занятія философіею сдѣлались серьезными. Студенты доходили при немъ до увлеченія въ изученіи науки мудрости. Наставникъ познакомилъ ихъ со многими новыми книгами по части наукъ философскихъ, выходящими въ ту пору на западѣ: всякую новую, сколько нибудь замѣчательную, книгу онъ выписывалъ для Академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннеманна и другія книги философскаго содержанія. Подобная выписка книгъ была ежегодная. Видно, какъ глубоко любилъ онъ философію, какъ ревностно заботился о усовершеніи самообразованія. Онъ читалъ введеніе въ философію, логику, опытную психологію и исторію философіи. Лекціи были на латинскомъ языкѣ. Изъ переведенной нами и напечатанной вступительной лекціи по философіи можно судить о характерѣ его философскихъ чтеній *). По свидѣтельству уче-

*) Прибавл. къ „Твор. св. Отцевъ“ 1864 г., стр. 637. Лекція записана въ 1818 году студентомъ 3-го курса М. Л. Ловцовымъ. Кромѣ ея до насъ дошли записки Кутневича по прикладной логикѣ.

никовъ его онъ отличался въ преподаваніи своего предмета строга-логическою послѣдовательностію, ясностію и твердымъ нравственно-религіознымъ направленіемъ. Студентъ 2-го курса Ф. Ф. Измайловъ пишетъ о Кутневичѣ: „Профессоръ философскихъ наукъ былъ человѣкъ очень умный и близко знакомый съ новѣйшею въ то время философіею; онъ преподавалъ ее полатыни. Въ первый годъ (1816) читали намъ исторію философіи, для чего профессоръ пользовался Бруккеромъ, Теннеманномъ, Буле, Тидеманомъ и де-Жерандо. Во второй годъ мы слушали опытную психологію и логику, которыя преподавались не по учебнику Карпе. Профессоръ нашъ любилъ идеализмъ. Метафизики и нравственной философіи намъ не читали, а съ главными ихъ предметами знакомилъ насъ профессоръ при чтеніи философской исторіи. Возбужденный умными лекціями профессора философскихъ наукъ, уважавшаго преимущественно Платона, Плотина и всѣхъ новѣйшихъ философовъ, я ревностно слѣдилъ за ходомъ развитія мыслящей силы въ родѣ человеческомъ“ *).

Лучшій изъ учениковъ Кутневича, потомъ сотрудникъ его и наконецъ преемникъ, мыслитель замѣчательный, извѣстный не въ одной Россіи, но и въ Европѣ, профессоръ философіи, протоіерей Теодоръ Александровичъ Голубинскій занималъ кафедру философіи 36 лѣтъ (1818—1854). Въ началѣ, будучи адъюнктомъ профессора Кутневича, онъ преподавалъ исторію системъ философскихъ (1818—1822), а съ сентября 1822 года началъ читать метафизику и нравственную философію. Съ 1824 года, по выходѣ изъ Академіи Кутневича, Голубинскій открывалъ курсъ чтеніемъ введенія въ философію. Въ 1830 году, принявъ порученіе отъ комиссіи духовныхъ училищъ составить

*) Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860.

руководство по исторіи философіи, онъ испросилъ себѣ дозволеніе заниматься въ классѣ чтеніемъ исключительно исторіи системъ философскихъ. Въ 1842 году ему поручено въ первый годъ курса преподавать метафизику, а во второй—исторію древней философіи. Такъ было до 1854 года, когда онъ оставилъ службу при Академіи.

Въ ряду наукъ философскихъ любимымъ предметомъ Голубинскаго была метафизика и исторія философіи, въ особенности древней. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и душѣ онъ слѣдовалъ преимущественно системѣ Канта и изъ учениковъ его отдавалъ предпочтеніе Якоби; въ немъ и въ Баадерѣ нравилось ему религіозное направленіе. Ученіе откровенное, которое Голубинскій полагалъ въ основаніе своихъ философскихъ чтеній, открывая лекціи чтеніемъ изъ книгъ Соломоновыхъ, было для него пробнымъ камнемъ мудрости философской: эти откровенныя его сужденія о предметахъ вышеопытныхъ получали особенную крѣпость и силу. Восходя къ началамъ древней мудрости, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Отцевъ и учителей церкви, допускалъ, что лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло быть порождено самостоятельною дѣятельностію разума, но было заимствовано отъ Іудеевъ, которымъ было сообщено Божественное откровеніе. При такомъ направленіи и взглядѣ на науку естественно, что Голубинскій не питалъ исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ системъ философскихъ, и въ томъ, въ чемъ другіе хотѣли видѣть опыты новыхъ открытій въ области мышленія, указывалъ проявленія идей, давно господствовавшихъ въ философіи Востока. Съ этой стороны замѣчательна особенная привязанность его къ философіи древнихъ Индусовъ и Китайцевъ, привязанность, которая могла казаться въ немъ причудливостію, пристрастіемъ. У нихъ онъ находилъ проблески тѣхъ

идей, на которыхъ трансцендентальная философія основала свои новые выводы; у нихъ открывалъ и нравственные понятія, которыя, къ удивленію, являлись иногда чище нравственнаго ученія нѣкоторыхъ новыхъ философовъ. Въ этомъ отношеніи не безплодно было покушеніе Голубинскаго заняться подробнымъ изслѣдованіемъ индійской философіи, которая у него вполне была обработана съ замѣчательною ясностію и отчетливостію. Слѣдя за современнымъ ему ходомъ науки, онъ признавалъ обязанностію указывать своимъ питомцамъ на недостатки новаго германскаго ученія, прикрытаго мракомъ отвлеченностей. Когда система Гегеля надѣлала столько шума въ Европѣ, и когда не было у насъ недостатка въ ея поклонникахъ, Голубинскій возвысилъ голосъ противъ новой мудрости и увлекательно говорилъ съ кафедръ, разоблачая темноту новаго ученія и поражая оное оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ философіи всѣхъ временъ и еще болѣе, ученіемъ откровенія.

При составленіи академическихъ уроковъ, Голубинскому, по его отзыву, служили руководствомъ слѣдующія по-собія: по ученію объ умѣ и идеяхъ — сочиненія Платона и Якоби; по умственному богословію — Поарета размышленія о Богѣ, о душѣ и злѣ, Баадера философскія сочиненія и Зайлера основное ученіе религіи; по умственной психологіи — кромѣ Поарета — сочиненіе Клодіуса: Богъ въ природѣ и въ человѣческомъ самосознаніи; по космологіи — Якоби религіозное созерцаніе природы и космологія Шуберта; по исторіи древней философіи: халдейскія провѣщанія, Гермесовъ Пимандеръ, законы Ману, Багаватгита, Зендавеста, Рата Египетское вѣроученіе, Крейцера миѳологія, Болена древняя Индія, Виндишмана философія въ ходу всемірной исторіи, исторія философіи Теннемана, Булэ, Риттера. Баадера Голубинскій причислялъ къ такимъ мы-

слителямъ, которые сами не строятъ системъ, но своими сочиненіями въ другихъ расшевеливаютъ, возбуждаютъ мысль. Съ особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ относился Голубинскій къ Якоби, котораго сочиненіе о Спинозѣ считалъ особенно важнымъ. Изъ новѣйшихъ философовъ, о Шеллингѣ отзывался онъ такъ, что отъ одного берега онъ отсталъ, къ другому не присталъ. Гегель, по его мнѣнію, признавалъ развитіе, но онъ не разрѣшилъ слѣдующей задачи: какъ въ развитіи его изъ предыдущаго развивается послѣдующее: откуда берется новое въ жизни? Гдѣ источникъ этому истеченію? Это можетъ быть объяснено тогда только, когда въ основу развитія полагается полнота бытія, а у Гегеля бытіе равно небытію, да и самое его Sein, по его же собственному выраженію, есть eine schlechte Unendlichkeit.

Въ ряду истинъ, составляющихъ предметъ умственной психологіи, больше всего занималъ Голубинскаго вопросъ о состояніи души по разрѣшеніи ея отъ тѣла, вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ могъ бы отвѣчать на него разумъ. Для этого онъ обращался къ древнимъ преданіямъ, разсѣянными у послѣдователей Талмуда и Каббалы, къ разсказамъ о ясновидящихъ, о явленіяхъ изъ міра духовнаго, собранныхъ у Мейера и Кернера. Книгу послѣдняго: die Seherinn von Prevorst онъ всю перевелъ на русскій. Однакоже при всѣхъ разностороннихъ изслѣдованіяхъ о жизни загробной онъ признавалъ мѣриломъ истины ученіе православной церкви, на которомъ всегда утверждалъ свои убѣжденія. Въ его домашнихъ ученыхъ выпискахъ, въ отдѣлѣ de resurrectione на первомъ планѣ поставлено видѣніе блаженныхъ Теодоры и отроковицы Музы.

Вообще о характерѣ философскихъ изслѣдованій Голубинскаго должно замѣтить, что онѣ отличаются направленіемъ теологическимъ, но это направленіе не имѣетъ ничего

общаго съ созерцаніемъ Бѣма и Шведенборга, и хотя по-видимому довольно близко подходитъ къ духу Баадера, но отличается отъ него тѣмъ, что Голубинскій давалъ разуму болѣе правъ на изслѣдованіе истины и не превращалъ ученія философскаго въ теологическое. Онъ не поставялъ задачей для себя выводить всѣ истины философскія изъ ученія откровеннаго, но обращался къ нему за рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, на которые не можетъ отвѣчать разумъ; а въ тѣхъ пунктахъ ученія метафизическаго, въ которыхъ сужденія ума могутъ быть достаточны для наученія истинѣ, онъ давалъ исключительное мѣсто изслѣдованіямъ разума. При такомъ направленіи философствующаго духа нѣтъ необходимости допускать раздвоеніе во взглядѣ на предметы мышленія: разумъ идетъ своимъ путемъ въ области метафизики, и, чтобъ не потерять прямого направленія, слѣдуетъ на пути ведущемъ къ откровенію. Такое направленіе имѣло основу въ духѣ мыслителя, въ которомъ любовь къ мудрости человѣческой и набожность тѣсно были связаны. Какъ его религіозныя убѣжденія никогда не встрѣчали противорѣчій со стороны ученаго разумѣнія предметовъ вышеопытныхъ, такъ и умственные изслѣдованія не терпѣли стѣсненія отъ теологическаго догматизма.

Что касается до внѣшняго состава системы Голубинскаго, то она, хотя не чужда эклектизма, но содержитъ много оригинальнаго въ воззрѣніяхъ на предметы метафизики; если онъ допускалъ выборъ лучшихъ мыслей изъ лучшихъ мыслителей, которыми любилъ украшать свои чтенія, то не иначе, какъ приводя ихъ въ гармонію съ общими началами своихъ воззрѣній и исполнѣ подчиняя ихъ господствующему направленію своей системы *).

*) Лекціи по узозрительному богословію О. А. Голубинскаго напечатаны въ 1868 году, а узозрительная психологія въ 1871.

Преемникомъ Ѳ. А. Голубинскаго по кафедрѣ философіи сдѣлался ученикъ его В. Д. Кудрявцевъ, который въ короткое время приобрѣлъ такую громкую извѣстность, какъ замѣчательный мыслитель, что въ 1861 году приглашенъ былъ ко Двору въ качествѣ преподавателя философіи на слѣднику престола В. К. Николаю Александровичу.

Кромѣ указанныхъ трехъ корифеевъ философской науки, Академія съ любовью и уваженіемъ воспоминаетъ о даровитыхъ адъюнктахъ Голубинскаго: Д. П. Новскомъ, С. Т. Протопоповѣ, Д. Г. Левицкомъ, И. М. Богословскомъ и В. И. Лебедевѣ.

Всеобщая словесность.

Первымъ наставникомъ по всеобщей словесности былъ воспитанникъ перваго курса петербургской Академіи, М. Ѳ. Божановъ. Онъ читалъ словесность первому и второму курсу и слѣдовалъ лекціямъ своего петербургскаго наставника, архим. Леониды Зарѣцкаго, но во многомъ ихъ передѣлалъ, руководствуясь Бутервскомъ, Блеромъ и другими и давая мѣсто собственнымъ изслѣдованіямъ и соображеніямъ, не всегда впрочемъ удачнымъ *). Между вопросами, подлежащими изслѣдованію, встрѣчаемъ у него, напр., такіе: „содѣйствіе геніевъ наблюдателей въ усовершеніи каждаго искусства и науки; необходимость правилъ для генія“ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лекцій видно сильное вліяніе эпохи Магницкаго и комм., напр., въ лекціи о вкусѣ читаемъ между прочимъ: „для положительныхъ законовъ вкуса, какъ и для всякаго положительнаго закона, нужна власть покровительствующая или побуждающая. Силу же сей власти во 1-хъ мы усматриваемъ (хотя болѣе въ свободномъ видѣ) въ

*) Мы имѣемъ подъ руками почти полный курсъ лекцій Божанова. Свѣдѣніе принадлежитъ Д. Ѳ. Голубинскому.

сужденіяхъ такъ называемой просвѣщенной публики; во 2-хъ рѣшительнѣе и опредѣленнѣе въ наставленіяхъ ученыхъ обществъ, покровительствуемыхъ верховною властію; въ 3-хъ въ руководствахъ главнаго управленія касательно народнаго просвѣщенія, и наконецъ въ 4-хъ въ постановленіяхъ верховной власти, касающихся до направленія свободы мыслей и вообще просвѣщенія къ цѣлямъ, достойнымъ человѣчества.“ Говоря далѣе о средствахъ къ оцѣнкѣ достоинства мыслей, бакалавръ разсуждаетъ такъ „въ случаяхъ, когда нужно положить преграду открытому и неблагонамѣренному своему мыслію, критикъ благоразумно поступитъ, ежели для повѣрки сужденій остановится на такихъ сочиненіяхъ, кои отъ начальствъ, управляющихъ просвѣщеніемъ, даны за непремѣнныя руководства къ той или другой наукѣ. Это есть послѣдняя проба и должна быть почитаема рѣшительно за вѣрную по тому предположенію, что начальство, коему верховною властію ввѣрено попеченіе о народномъ просвѣщеніи, лучше должно знать способы къ достиженію предположенной цѣли.“ Кромѣ эстетики и теоріи словесности, Божановъ читалъ исторію литературы, разбиралъ творенія образцовыхъ писателей и представлялъ характеристику произведеній Гомера, Гезіода, Демосѣена, Виргилія, Горация, Цицерона, Тасса, Аріоста, Камюэнса, Мильтона, Клопштока и Фенелона. Отзывъ о лекціяхъ Божанова мы находимъ въ запискахъ одного изъ воспитанниковъ втораго курса московской Академіи Ф. Ф. Измайлова. Онъ пишетъ: „бакалавръ словесности читалъ эстетику по какимъ-то запискамъ, своимъ или чужимъ, неизвѣстно, но мы подозревали, что по чужимъ, и занималъ насъ сочиненіями. Въ мнѣніяхъ своихъ онъ несовѣмъ сходился съ Мерзляковымъ, печатавшимъ тогда публичныя свои лекціи. Но кто изъ нихъ больше правъ, я судить не могъ: эстетика мнѣ казалась наукою неопредѣленною, да-

леко не доросшею до своего совершенства. Я какъ-то худо понималъ ее, хотя понять и силился: прочелъ эстетическія разсужденія Ансильона, прочелъ эстетику Бутервека, но ничто не помогло. Пуще всего тягостно мнѣ было недоразумѣніе, что такое вкусъ и гений. Вкусъ еще не такъ; по крайней мѣрѣ теперь я его понимаю и могу опредѣлить; но гений мучитъ меня доселѣ: опредѣленія ему нѣтъ, а описанія не совѣмъ что-то вѣрится. Г. Д'Израэли составилъ исторію гения, и, кажется, могъ бы сказать, что онъ такое, но не сказалъ, предоставивъ догадываться самому читателю“ (*).

Съ 1818 до 1832 года словесность преподавалъ магистръ перваго курса московской Академіи, Платонъ Ив. Доброхотовъ, получившій чрезъ нѣсколько времени службы званіе экстраординарнаго профессора. Въ первые годы онъ держался лекцій Божанова, но потомъ составилъ свои записки. Изъ конспекта его чтеній видно, что онъ широко разработалъ свой предметъ, составилъ строго-научный планъ словесности, и свои воззрѣнія проводилъ въ строго-философскомъ духѣ. Филаретъ Гумилевскій, ученикъ Доброхотова и потомъ сослуживецъ, съ похвалою отзывался о его лекціяхъ и приписывалъ имъ сильное вліяніе на умственное развитіе студентовъ (**). Мы имѣемъ подъ руками малую часть его лекцій, читанныхъ имъ въ 1826—28 годахъ (***)). Видно, что онъ держался преимущественно Якоби. Къ удивленію статья о вкусѣ или силѣ судящей является здѣсь почти въ такомъ же видѣ, какъ въ лекціяхъ Божанова, но въ ней уже нѣтъ тѣхъ мѣстъ, которыя мы видѣли выше.

*) Взглядъ на собств. прошеди. жизнь. М. 1860, стр. 126.

**) Обзоръ русск. дух. литерат. ч. 2. № 237.

***). Экземпляръ принадлежалъ А. И. Невоструеву. Тутъ заключаются лекціи о стихотворствѣ, о еврейской поэзіи, о вкусѣ и о критикѣ.

Послѣ Доброхотова въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ словесность бакалавръ А. Е. Нечаевъ, который читалъ по лекціямъ Доброхотова. Послѣ него кафедру словесности занялъ А. И. Смѣловскій. Въ его лекціяхъ мы находимъ новый элементъ, который въ малой степени и при томъ изрѣдка проторгался въ лекціяхъ Доброхотова, именно элементъ религіозный, церковный. Эта особенность несомнѣнно вызвана была строгимъ отношеніемъ митрополита Филарета къ философскому характеру лекцій Доброхотова, о которыхъ это именно замѣтилъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ ревизорскихъ отчетовъ. Извѣстно, что Филаретъ почти на всякомъ испытаніи публичномъ возставалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ теоріи словесности и всего болѣе преслѣдовалъ статью о гениѣ. Смѣловскій пошелъ спокойною дорогою церковности, которая безъ сомнѣнія повела къ крайностямъ и мало давала пищи философствующему уму слушателей. Въ его конспектѣ вошли, напр. слѣдующіе вопросы: „понятіе о церковныхъ пѣсняхъ. Значеніе гимна и оды въ нашихъ церковныхъ службахъ. Характеръ св. церковныхъ пѣсней. Образецъ церковныхъ пѣсней. Канонъ преп. Іоанна Дамаскина на св. Пасху. Разсмотрѣніе сего канона.“ Въ такомъ же родѣ онъ давалъ студентамъ и предложенія для семестровыхъ сочиненій, напр. разборъ канона на пятидесятницу; разборъ канона на Рождество Христова св. Козмы Маіумскаго; разборъ оды Ломоносова: вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ; о томъ, что непозволительно христіанскимъ стихотворцамъ, особенно новѣйшимъ, употреблять въ своихъ сочиненіяхъ вымыслы языческаго баснословія и т. п. Но вотъ еще любопытная тема для семестроваго сочиненія: „разборъ рѣчи, произнесенной Государю Императору митрополитомъ Филаретомъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ по возвращеніи Госу-

книгу всеобщей исторіи для употребленія въ семинаріяхъ, но изданіе это ограничилось одною первою частію (до Константина Великаго).

Математическія науки.

Съ 1814 до 1828 года для преподаванія математическихъ наукъ назначаемъ былъ одинъ наставникъ; но съ 1828 года профессору математики данъ адъюнктъ, или бакалавръ. Математикъ учились не всѣ студенты, но въ курсѣ одни изъ нихъ по желанію слушали лекціи гражданской исторіи, другіе избирали математическій классъ. Такъ было до 1844 года, когда и математика и исторія сдѣланы обязательными для всѣхъ студентовъ. Въ первомъ курсѣ учившихся математикъ было 18, и математику преподавалъ имъ В. И. Кутневичъ, а второму — А. Е. Покровский. Съ перваго курса учебнымъ руководствомъ по геометріи назначена геометрія Гурьева; въ 1819 г. введено, какъ руководство, его же дифференціальное исчисленіе. По алгебрѣ руководствомъ съ третьяго курса была книга Сербжинскаго. Но независимо отъ данныхъ руководствъ, наставники составляли свои записки и предлагали научныя свѣдѣнія болѣе полныя и обстоятельныя. Предписаніемъ комиссіи дух. училищъ въ 1834 году наставникамъ математики указано слѣдовать курсу Лакроа, содержащему дополненіе къ основаніямъ алгебры, основанія тригонометріи и приложеніе алгебры къ геометріи, равно какъ основанія дифференціального и интегрального исчисленія.

Классъ математическій открытъ 24 октября 1814 года — профессоромъ Кутневичемъ, который прочиталъ студентамъ 1-го курса геометрію, потомъ алгебру и высшую геометрію, но физика не была преподаваема. Послѣ А. Е. Покровскаго, который въ теченіе одного курса приобрѣлъ извѣстность отличнаго математика и который, по посту-

пленіи на священническое мѣсто въ Москвѣ, не оставляя занятій своею любимою наукою, преподавалъ математическія науки въ теченіе 45 лѣтъ профессоръ П. С. Делицынъ. Во время продолжительнаго служенія наукъ онъ составилъ полные курсы алгебры и тригонометріи, написалъ объ аналитическомъ опредѣленіи кривыхъ линий и поверхностей, руководства по механикѣ, математической географіи и пашалии (Всѣ сіи труды остаются въ рукописи). Въ преподаваніи Делицынъ отличался отчетливостію изложенія, строгимъ порядкомъ, логическою послѣдовательностію и связью. Сверхъ того одно изъ достоинствъ его преподаванія, это способность упростить рѣшеніе сложныхъ и трудныхъ задачъ математики, искусство облегчать слушателямъ усвоеніе цѣльной операціи въ ходѣ рѣшенія того, или другаго вопроса, — искусство вести ихъ вниманіе, ничѣмъ не отвлекая оного, къ результату выкладокъ, перѣдко продолжительныхъ *).

Я З Ы К И:

Еврейскій.

Классъ еврейскаго языка открытъ былъ 23 октября 1814 года А. И. Тяжеловымъ. Такимъ образомъ преподаваніе его начато на философскомъ курсѣ, и продолжаясь въ богословскомъ для тѣхъ же студентовъ, приготовило изъ нихъ многихъ знатоковъ языка. Въ 1818 году Тяжелову данъ адъюнктъ, іеромонахъ Амфилохій, который преподавалъ въ „*институтѣ*“ еврейскомъ классѣ“, составившемся изъ студентовъ старшаго и младшаго курсовъ, такихъ студентовъ, которые мало знакомы были съ языкомъ. Занятія въ этомъ

*) Подробности о математическихъ занятіяхъ П. С. Делицына — въ статьѣ его преемника, Д. О. Голубинскаго (прибавл. къ Твор. св. Отц. 1863 г., книг. 5 и 6).

классъ состояли „въ чтеніи грамматики съ объясненіемъ и въ переводѣ изъ книги Бытія съ еврейскаго на отечественный языкъ, съ грамматическимъ, а частію филологическимъ разборомъ“. Обученіе шло не спѣшно: въ теченіе всего 1819 года на нисшемъ еврейскомъ классѣ переведено пять главъ изъ книги Бытія. Но учившихся было много: съ младшаго курса 28 и со старшаго 22 человекъ. Остальное число старшихъ студентовъ, которые уже въ нисшемъ классѣ хорошо были подготовлены въ знаніи языка, учились въ *вышемъ* еврейскомъ классѣ у Тяжелова. Преподаваніе происходило слѣдующимъ порядкомъ: „во первыхъ опредѣляемо было какъ первоначальное, такъ и второстепенное, знаменованіе реченій изъ книгъ ветхаго завѣта, гдѣ, по возможности, раскрываема была связь между понятіями реченій первоначальными и второстепенными; далѣе разсматриваемы были слова въ ихъ сочетаніи и дѣлаемы были указанія на правила этимологіи и словосочиненія; потомъ замѣчаемы были идиотизмы, или выраженія свойственныя еврейскому языку, и оныя, по возможности, изъясняемы были изъ свойства знаменованій составляющихъ ихъ реченій. Выраженія метафорическія, трудныя къ уразумѣнію при буквальной переложеніи оригинальнаго текста, уясняемы были тождественными или подобными выраженіями, но яснѣйшими, встрѣчающимися въ другихъ мѣстахъ у св. писателей. Темныя и неудобопонятныя тексты по причинѣ или необычайности состава рѣчи, или неизвѣстности подлиннаго знаменованія реченій, сличаемы были съ древними переводами: LXX толковниковъ и парафрастовъ халдейскихъ, самаританскимъ, сирскимъ и арабскимъ. При чтеніи изъясняемы были причины разности перевода греческаго съ текстомъ еврейскимъ. Наконецъ вниманіе студентовъ было обращено на красоты священнаго языка, и по временамъ дѣлаемы были замѣчанія о метафорахъ, заимство-

ванныхъ св. писателями отъ обрядовъ богослуженія, отъ историческихъ происшествій народа еврейскаго, отъ обыкновений и образа его жизни и отъ мѣстнаго положенія страны. Дабы болѣе ознакомить студентовъ съ образомъ выраженія восточнымъ, назначаемы были переводы съ русскаго на еврейскій языкъ.“*) Послѣ Тяжелова еврейскій языкъ преподавался только для студентовъ высшаго отдѣленія, и, какъ видно изъ конспекта 1826 года, съ неменьшимъ успѣхомъ, потому что студенты могли переводить съ русскаго языка на еврейскій. Руководствомъ при изученіи языка служила грамматика Павскаго, которую наставники дополняли свѣдѣніями изъ грамматикъ Фрейтага, Гезеніуса и Эвальда: при переводахъ пользовались лексиконами Штоккя и Гезеніуса.

Греческій.

До 1823 года, когда издана для переводовъ съ греческаго въ высшемъ отдѣленіи христоматія, составленная изъ твореній отеческихъ, въ отдѣленіяхъ высшемъ и низшемъ для переводовъ употребляема была греческая энциклопедія аѳинскаго священника Іоанна Патусы. Посему и въ высшемъ отдѣленіи переводили Гомера, Геродота, Овидіа и другихъ свѣтскихъ писателей. Но чтобы и въ переводахъ съ греческаго дать занятіе, соответствующее назначенію богословскаго класса, изъ первой части энциклопедіи брали для перевода болшею частію письма Васкля В., Златоустаго, Исидора Пелусіота, или переводили изъ Новаго Завѣта и изъ отдѣльныхъ изданій твореній отеческихъ. Въ низшемъ отдѣленіи въ нѣкоторые курсы предварительно предлагаемы были грамматическія правила, потомъ слѣдовали чтенія о діалектахъ; въ высшемъ сту-

*) Конспектъ Тяжелова въ дѣл. 1820 г. № 83.

дентовъ знакомили съ особенностями образа выраженія въ книгахъ Новозавѣтныхъ и въ твореніяхъ отеческихъ. Но занятіе языкомъ не оканчивалось въ классѣ: студентамъ того и другаго курса для занятій домашнихъ назначаемы были переводы цѣлыхъ книгъ изъ твореній отеческихъ: такъ они переводили катихизисъ Кирилла Іерусалимскаго, нѣкоторыя изъ твореній Григорія Богослова и Григорія Нисскаго и бесѣды Іоанна Златоустаго. Переводы повѣряемы были и исправляемы наставникомъ. Съ начала 1845 г. въ низшемъ отдѣленіи открыты чтенія изъ исторіи греческой литтературы, продолжавшіяся и въ слѣдующіе курсы.

Нѣмецкій и французскій.

При началѣ курса студенты обыкновенно избирали для себя изученіе одного изъ сихъ языковъ, и такимъ образомъ раздѣлялись на два класса. На нѣмецкомъ классѣ студентовъ всегда было болѣе, и это объясняется ихъ стремленіемъ при занятіи философскими и богословскими науками получить возможность пользоваться богатымъ запасомъ нѣмецкой учености по всѣмъ отраслямъ того и другаго знанія. При изученіи нѣмецкаго языка въ прежніе курсы руководствомъ была грамматика Голтергофа и лексиконъ Аделунга, а для французскаго—грамматика Перелогова съ дополненіями изъ Лефранка, Ге и Вальи и лексиконъ Татищева. Въ классѣ преподаваемы были для малознающихъ языкъ грамматическія правила, а болшею частію занимались переводами. Съ французскаго переводили преимущественно Фенелона, Боссюэта, Бурдалу, Флешье и Паскаля; съ нѣмецкаго—книги разнаго рода: историческія, богословскія, философскія и по изящной словесности. Такъ Голубинскій, долгое время преподававшій нѣмецкій языкъ, переводилъ съ студентами Мендельсонову жизнь Сократа, изъ исторіи философіи Теннемана и Булэ, Шубертову ис-

торію души, разсужденія Кизеветтера, Якоби, Блодіуса, изъ сочиненій Аридта и Зайлера, изъ христіанскаго магазина, издан. Пфенингеромъ, Мессиаду Блонштока и т. п. Кромѣ переводовъ онъ читалъ въ классѣ исторію нѣмецкой литтературы. Изученіе новыхъ языковъ по цѣли, для которой оно предназначалось, было всегда собственно книжное: разговорнымъ языкомъ не занимались.

Англійскій.

Классъ англійскаго языка открытъ въ 1823 году. Изученіе этого языка не было обязательно для всѣхъ студентовъ: для преподаванія его назначено было два часа по четвергамъ послѣ обѣда. Грамматическія правила изучали по грамматикѣ М. Паренго (Спб. 1820), для переводовъ употребляли христоматію Шницера. Сверхъ того переводили изъ англійской Библии, поученія Шерлока, книгу: *The whole Luty of a Moter*, сочиненіе Леканда: польза и необходимость христіанскаго откровенія и другія. Въ 1837 году классъ англійскаго языка закрытъ по распоряженію М. Филарета, который писалъ академическому правленію: „класса англійскаго языка въ уставѣ не положено, а открытъ онъ въ пользу желающихъ съ тѣмъ, чтобъ обучалъ одинъ изъ наличныхъ наставниковъ съ умѣреннымъ вознагражденіемъ за трудъ. Перевести на сей не положенный въ уставѣ предметъ занимающаго штатное мѣсто наставника и дать ему полный окладъ, положенный въ штатахъ, было бы несообразно съ уставомъ и съ прежнимъ положеніемъ сего класса. Посему классъ англійскаго языка до усмотрѣнія закрыть, предоставивъ желающимъ обучаться сему языку приватно изъ книгъ; ибо это не великая премудрость“. Англійскій языкъ стали преподавать вновь съ сентября 1863 года; преподаваніе

поручалось не особому наставнику, а одному изъ наличныхъ, читавшихъ какой нибудь другой предметъ.

Мы обозрѣли ходъ преподаванія наукъ въ Академіи, слѣдовавшей новому плану образованія. Изъ обзора видимъ, какое существенное различіе открывается между старымъ и новымъ образованіемъ, какіе новые элементы привзошли въ жизнь Академіи преобразованной. Старая московская Академія признала преимущество Академіи новой, пославъ въ нее для образованія 20 лучшихъ студентовъ, прошедшихъ уже полный академическій курсъ и учившихся по 10 и по 15 лѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ старой Академіи информаторами, учителями. Что же было новаго, особеннаго въ Академіи новой? Начнемъ съ образованія богословскаго. Въ старыхъ Академіяхъ это образованіе носило чисто школьный характеръ и, несмотря на видимый упадокъ схоластики въ послѣдней четверти XVIII вѣка, оставались еще ея приемы въ ходѣ богословскаго образованія. Самъ митрополитъ Платонъ, преобразователь метода преподаванія богословскихъ наукъ, признавалъ силу гнета схоластики на характеръ богословскаго образованія, и въ 1802 году писалъ: „разныя системы богословскія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою.“ Должно признаться, что схоластическій методъ преподаванія, хотя имѣлъ свою долю пользы въ томъ, что способствовалъ строгому опредѣленію понятій о предметѣ и приучалъ къ логическому построенію выраженій мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдалъ и существенными недостатками. Вмѣщеніе науки въ тѣсныя рамки готоваго сбора вопросовъ, принятыхъ во всѣхъ системахъ, не могло дать свободнаго развитія мысли; богословъ не вдумывался въ предметъ самостоятельно; на всякій, даже утонченный, во-

прось, ему данъ отвѣтъ въ книгѣ, далѣе которой онъ не простиралъ своихъ воззрѣній, считая достаточнымъ довольствоваться тѣмъ, что ему дано. Въ отвѣтѣ этомъ приводилось и разъяснялось мѣсто св. Писанія и притомъ съ удержаніемъ схоластическихъ приемовъ: *distingvendum est inter et inter, nego maiorem etc.* Смыслъ мѣста св. Писанія весьма рѣдко подтверждался свидѣтельствомъ отеческимъ; въ случаяхъ важныхъ дѣло ограничивалось параллелизмомъ и соображеніями филологическими. Слѣдствіемъ такого сухаго, безжизненнаго преподаванія науки было то, что мысль богослова крѣпко связана была путями формы и не могла излиться свободно въ формѣ или живаго размышленія, или строго-ученаго самостоятельнаго разсужденія. Богословскіе диспуты показываютъ намъ, чѣмъ занята была мысль богослова и въ какой формѣ она выражала себя. Не то встрѣчаемъ въ порядкѣ новаго образованія. Старые учебники вмѣстѣ съ схоластикой были окончательно: на развалинахъ ея, какъ свидѣтель ея минувшей славы, остался одинъ языкъ латинскій; но и тотъ, — освобожденный отъ узъ, навязанныхъ ему схоластикой. Начинается историко-критическая разработка источниковъ науки, преподаются правила строгаго изслѣдованія и изъясненія священнаго текста (герменевтика), признается необходимымъ раскрытіе исторіи догматовъ, дается въ догматикѣ обширное значеніе правиламъ Соборовъ и ученію Отцевъ церкви; для изученія церковныхъ правилъ и постановленій, для изученія Отцевъ учреждены особыя кафедры; обращено глубокое вниманіе на изученіе св. Писанія: филологія сдѣлала значительные успѣхи въ раскрытіи его смысла; значеніе текста извлекалось изъ разбора его по подлиннику, для чего усилено изученіе еврейскаго языка и дано важное мѣсто греческому.

Въ пособіе историческому развитію библейскаго и цер-

ковнаго вѣроученія явилась священная географія, библейская и церковная археологія, которыхъ старая Академія не знала. При такихъ средствахъ къ развитію духа богословскаго критицизма, наука явилась совершенно въ иной формѣ: открыть доступъ къ болѣе широкому и самостоятельному воззрѣнію на предметъ и къ выраженію этого воззрѣнія въ формѣ свободной рѣчи. Школьное заучиваніе истертыхъ фразъ уступило мѣсто свободному, сознательному разсужденію о предметѣ.

Приготовительнымъ средствомъ къ разработкѣ богословскихъ вопросовъ служитъ философское образованіе: такъ было и въ старой Академіи. Но тамъ философія существовала какъ будто отдѣльная, замкнутая въ себѣ наука, не имѣвшая отношенія къ дальнѣйшему, богословскому образованію. Лейбнице-Вольфіанская философія въ концѣ прошедшаго вѣка стала по немногу изгонять изъ школы старую схоластическую философію, но шаги ея были еще нерѣшительны, робки. Кантова критика познакомила новую Академію съ новыми приемами знанія и дала крѣпкое оружіе для борьбы съ крайностію воззрѣній на предметы мысли. Послѣдующія затѣмъ системы германскихъ философовъ дали серьезную работу мысли; Академія воспользовалась новыми приемами логики и, отвергнувъ крайности въ ученіи новой философіи, повела науку среднимъ путемъ между грубымъ эмпиризмомъ и утонченнымъ идеализмомъ. И тутъ въ ходѣ философскаго образованія видимъ тѣ же приемы, какіе указаны въ ходѣ наукъ богословскихъ: — это путь историческій, который ознакомилъ любителей мудрости съ ходомъ развитія человѣческой мысли, съ ея добрыми началами, съ ея уклоненіями и ошибками. Исторія философіи — такой важный предметъ въ дѣлѣ изученія мудрости — была неизвѣстна Академіи старой.

Для того, чтобы вывести философію изъ ея замкнутого

положенія и поставить ее въ должныя отношенія къ цѣли образованія духовнаго юношества, любителямъ мудрости, въ параллель съ отвлеченными предметами философіи, преподавали въ Академіи новую науку высшей Божественной мудрости — читали и объясняли имъ Библию. Элементъ этой мудрости по мѣрѣ возможности входилъ и въ самый составъ философскихъ чтеній, такъ что прямая цѣль философско-богословскаго знанія не была опускаема изъ виду. Независимо отъ изученія Писанія въ отдѣльномъ классѣ, лучший изъ здѣшнихъ наставниковъ философіи предпосылалъ чтенію каждой философской лекціи чтенія изъ Писанія. Изъ опытовъ студенческихъ разсужденій философскаго содержанія видно, какъ широко было ихъ философское образованіе, и какъ высоко стоятъ эти опыты надъ пресловутыми философскими диспутами. Вообще должно признаться, что какъ въ старыхъ школахъ философія больше стѣсняла мысль строгимъ блюденіемъ формы, по самому методу ея изученія мало давая средствъ къ свободному развитію мышленія: такъ напротивъ академическое преподаваніе поставляло для себя главною задачею раскрыть въ воспитанникахъ способность самостоятельнаго разсужденія.

Образованію ума въ началахъ строгой логики дано новое средство — въ изученіи математики, которой въ прежнихъ школахъ или вовсе не было, или если и была въ нѣкоторыхъ, то въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, и при томъ не въ качествѣ непремѣнной науки. Преподаванію физики даны также обширные размѣры и значительныя средства устроеніемъ физическихъ кабинетовъ, которыхъ содержаніе знали прежде только по рисункамъ.

Историческія науки, о введеніи которыхъ въ школахъ такъ много заботился Платонъ, и въ изученіи которыхъ онъ однако не видѣлъ надлежащихъ успѣховъ, въ новой Ака-

деміи стали преподаваться въ широкомъ объемѣ и спустя четверть вѣка послѣ ея открытія можно было замѣтить, что образованіе въ московской Академіи сравнительно съ другими Академіями получило особое направленіе съ характеромъ преимущественно историческимъ. Это было въ эпоху разработки историческихъ матеріаловъ, когда стали дорожить всякимъ памятникомъ, уцѣлѣвшимъ отъ древности, когда отечественная исторія получила много новыхъ данныхъ. Въ эту пору учено-историческія работы московской Академіи обратили на нее вниманіе ученыхъ, которые нерѣдко относились къ ней за пособіями въ интересахъ науки.

Наконецъ видимъ и еще важную новость въ Академіи новой: введеніе преподаванія общей словесности въ новомъ видѣ, съ эстетикою и исторією литературы. и введеніе науки краснорѣчія церковнаго. Этотъ отдѣлъ наукъ вовсе неслѣстень бывшій питомцамъ Академіи старой. Классъ такъ называемаго „высшаго краснорѣчія“ не имѣлъ ничего общаго съ науками словесными. Въ замѣнъ сочиненія рѣчей и стиховъ по данной формѣ, воспитанники Академіи нашли въ новой наукѣ словесности сильное средство къ образованію не только изящнаго слова, но и зрѣлой мысли. Прежнее напыщенное витійство уступило мѣсто естественному и потому могучему выраженію мысли въ словѣ, согласно съ требованіями эстетическаго вкуса. Драгоценнымъ плодомъ новаго образованія было то, что русскій языкъ, которымъ въ старыхъ школахъ пренебрегали ученые, воспитанные на латини, теперь выдвинулся впередъ со всею силою, въ полномъ блескѣ и, предъявивъ законное право на первенство, мало-по-малу одержалъ побѣду надъ латинью.

III.

Ученые труды наставниковъ. Ревизія Семинарій. Цензурный и редакціонный комитеты. Особья ученые порученія. Перечень напечатанныхъ сочиненій: проповѣди, разсужденія, оригинальныя и переводныя статьи.

Сверхъклассическихъ занятій начальствующіе и наставники Академіи несли немало трудовъ, какъ члены ученой корпораціи; къ такимъ трудамъ частію призываемы они были волею начальства, частію принимали ихъ на себя добровольно, желая свободное отъ лекцій время посвятить на пользу науки.

Съ 1818 г. до 1842. г.-е. до того времени, какъ открыта была казанская духовная Академія, казанскій учебный округъ подлежалъ вѣдѣнію московской Академіи, и ревизія Семинарій двухъ округовъ лежала на членахъ конференціи московской Академіи. Для обозрѣнія Семинарій назначалось время лѣтнихъ ваканцій, но иногда, по особымъ обстоятельствамъ, и время учебное. На первомъ планѣ при обозрѣніи Семинарій стояла часть учебная, затѣмъ слѣдовали наблюденія за нравственною и экономическою частями. Извлекаемъ изъ дѣлъ академическаго правленія свѣдѣнія, какія, когда и гѣмъ изъ начальствующихъ и наставниковъ московской Академіи обозрѣваемы были Семинаріи.